

Материалы к лекции

УДК 165.0:82

DOI 10.25205/2541-7517-2024-24-1-105-137

Когнитивно спонтанные убеждения и достоверность внутри системы

Рецензия на книгу: **BonJour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 5–6). ***

Никита Владимирович Головко

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

Институт философии и права Сибирского отделения РАН

Новосибирск, Россия

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Аннотация

Ключевой момент когерентистской концепции обоснования эмпирического знания Лоуренса Бонжура – когерентистская концепция наблюдения, которая а) постулирует существование особого класса когнитивно спонтанных убеждений, с которыми должны быть когерентны убеждения системы для того, чтобы считаться обоснованными; б) их достоверность определяется изнутри системы как следствие обобщения на множестве событий, когда убеждение появляется и оно с большой вероятностью истинно, и с большой вероятностью оно появится в ситуации, в которой оно будет истинным; и в) субъект обладает способностью рефлексивно схватывать в первом приближении содержание своей собственной системы убеждений. Среди основных источников вдохновения, которыми пользуется Л. Бонжур, можно обнаружить концепции «языкового перехода» У. Селларса и «истины-достаточности» У. Алстона. Большая часть материала посвящена аргументации в пользу построения решающего аргумента в пользу когнитивно спонтанных убеждений. Рецензия представляет собой детальный анализ второй части книги Л. Бонжура «Структура эмпирического знания» (гл. 5–6), посвященной разработке оснований когерентистской теории обоснования эмпирического знания.

* Статья представляет собой развернутый план и материалы для подготовки нескольких лекций по теме «Когерентизм» в рамках курса «Теория познания», читаемых в бакалавриате по направлению «Философия» в Институте философии и права Новосибирского государственного университета. Этим объясняется большой объем подстрочных комментариев, дополнительные материалы и перекосяк в сторону определений и примеров, которые необходимым образом расставляют акценты на содержании книги Л. Бонжура.

© Головко Н. В., 2024

Ключевые слова

когерентизм, обоснование, когнитивно спонтанные убеждения, достоверность, Доксастическое Допущение, У. Селларс, Л. Бонжур

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00739 «Эпистемическая независимость в моделях обоснования знания о прошлом: теории среднего уровня и взвешенная когерентность», <https://rscf.ru/project/23-28-00739/>

Для цитирования

Головко Н. В. Когнитивно спонтанные убеждения и достоверность внутри системы. Рец. на кн.: BonJour L. *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 5–6) // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 1. С. 105–197. DOI 10.25205/2541-7517-105-137

Cognitive Spontaneous Beliefs, and Reliability within the System

Book Review: BonJour L. *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 5–6).

Nikita V. Golovko

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

Institute of Philosophy and Law, SB RAS

Novosibirsk, Russian Federation

golovko@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4707-1231>

Abstract

The key point of Laurence BonJour's coherentist conception of the justification of empirical knowledge is the coherentist concept of observation, which (a) postulates that there is a special class of cognitively spontaneous beliefs with which the system's beliefs must cohere in order to be considered justified; (b) their reliability is determined within the system as a consequence of our generalization on a set of facts when a belief appears, and it is highly likely to be true, and it is likely to appear in a situation in which it will be true; and (c) the subject has the ability to reflexively grasp the approximate content of his own belief system. Among the main sources of inspiration used by L. BonJour, one can find the conceptions of "language-entry transition" by W. Sellars and "truth-sufficiency" by W. Alston. Much of the material is devoted to arguing for the final argument for cognitively spontaneous beliefs. The review is a detailed analysis of the second part of L. BonJour's book «The Structure of Empirical Knowledge» (chapters 5–6), dedicated to foundations for a coherentist theory of justification of empirical knowledge.

Keywords

coherentism, justification, cognitive spontaneous beliefs, reliability, Doxastic Presumption, W. Sellars, L. BonJour

For citation

Golovko N.V. Cognitive Spontaneous Beliefs, and Reliability within the System. Book Review: BonJour L. *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Chapters 5–6). *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 1, pp. 105–137. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-105-137

Вторая часть книги Лоуренса Бонжура подкупает своей прямоотой. У автора есть четкая линия аргументации, и мы можем легко заключить, например,

что написанное в пятой и шестой главах – это настоящий образец работы с понятиями и переноса логики рассуждений из одной области в другую, понять, почему седьмая глава – традиционно самая ругаемая критиками, а восьмая – слишком простая и не стоит потраченного времени. Проблема заключается в том (и это в очередной раз подчеркивает глубину содержания книги), что отслеживание знакомых понятий, – таких как «когерентность», «обоснование», «истинность», «достоверность», «знание», – которые, по всеобщему пониманию, и должны раскрывать суть обсуждаемых проблем (и мы вправе ожидать, что именно они составляют предмет анализа четырех глав под общим названием «Навстречу когерентной теории эмпирического знания» в книге, которая в целом посвящена построению когерентистской концепции эпистемического обоснования), почти наверняка не даст вам возможности до конца проследить замысел автора. Можно найти достаточно рецензий, авторы которых наперебой обвиняют Л. Бонжура в том, что его книга «разочаровывает отсутствием деталей, касающихся понятия когерентность», он «практически ничего не говорит о стандартах обоснования эмпирического знания», он «не раскрывает природу инференциальной связи между убеждениями», его «интерналистская интерпретация когерентности не является ни необходимой, ни достаточной, а обоснование не указывает (indicate) на истинность», ему «не удалось связать когерентизм и обоснование эмпирических (observational) и интроспективных убеждений, равно как и показать, что его эмпирические убеждения вообще могут иметь эмпирическое содержание» и т.д. (см., например: [Bender, 1989]). Все это так. Но смотреть надо не на то, как определяются понятия, которые традиционно раскрывают содержание проблемного поля, а на то, как работают основные составляющие концепции – на то, почему мета-убеждения должны обосновываться априорно, почему Доксастическое Допущение не является еще одной посылкой, как обосновано контролирующее Эмпирическое Требование и т.д. Будучи уверенными в том, что книга Л. Бонжура независимо ни от чего более чем заслуживает того, чтобы быть внимательно прочитанной, приступая к анализу главной (спорное утверждение) части книги, мы хотели бы рефлексивно отнестись к выбору основных объектов и в целом стратегии для анализа. И по структуре, и по содержанию первая часть книги – «Критика эмпирического фундализма» – является достаточно традиционной и понятной: мы знаем, с чего все начнется, и вполне догадываемся, чем все закончится. Вторая часть книги куда более интересная.

В 1989 году в серии «Философские исследования» издательства Kluwer вышел сборник «Современное состояние когерентной теории: Критические исследования эпистемических теорий Кита Лере и Лоуренса Бонжура с ответами на замечания» [Bender, 1989], и помимо буквально всей палитры критики в нем есть несколько статей, в которых авторы, судя по всему, в той или иной форме озвучивали идеи, в которые вполне укладывается и наше прочтение. В первую очередь здесь мы хотели бы отметить работу Маршала Суэйна и изложенную в ней логику анализа концепции Л. Бонжура. Как указывает М. Суэйн: «Холистический взгляд на обоснование предполагает специальный набор характеристик системы убеждений, с тем чтобы убеждения, принадлежащие ей, были обоснованы. Среди этих характеристик (не исчерпываясь ими) – когерентность, “устойчивость

(сохранение когерентности) на протяжении длительного периода времени” (153, 170), “удовлетворение тому, что Бонжур называет Эмпирическим Требованием” (153, 170, глава 6), “доступность субъекту убеждений и эпистемических характеристик (включая когерентность) системы” (154)» [Swain, 1989, p. 115]. Очевидно, Л. Бонжур сам понимает необходимость предложить читателю четкий план, схватывающий именно развитие ключевых понятий, а не конвенциональную последовательность «изложения идей», которая представлена в содержании. В параграфе 5.4 (с. 101) фактически приведен план всего того, что будет составлять основное содержание второй части: идея нелинейного обоснования (параграф 5.2); идея когерентности (параграф 5.3); идея Доксастического Допущения (параграф 5.4); когерентистская концепция наблюдения (глава 6); три аргумента против когерентизма (последовательно разбираются на протяжении всех трех последних глав); идея мета-обоснования (глава 8). Именно эти шесть составляющих и их обсуждение и будут служить основанием для построения когерентистской концепции обоснования эмпирического знания Л. Бонжура ¹.

Ниже мы отдельно остановимся на ключевом элементе когерентистской концепции обоснования Л. Бонжура – концепции наблюдения. К сожалению, обилие материала не позволяет нам рассмотреть в одной статье все шесть отмеченных составляющих, концепция мета-обоснования и основная аргументация против «Стандартных Возражений когерентистским концепциям обоснования знания» будут рассмотрены в следующей статье. Пятая и шестая главы книги по-настоящему интересны не только тем, как Л. Бонжуру удается задать основные объекты концепции и связать их – понятие «когнитивно спонтанного убеждения» и «решающий аргумент в их пользу», «достоверность изнутри системы», Доксастическое Допущение и т.д., но и тем, – как Л. Бонжур аккумулирует «интеллектуальный багаж, накопленный предыдущими поколениями философов», например, кон-

¹ Кроме этого, естественно, очень показательна короткая «мотивационная часть» – «установки, на основании которых строится теория», в которой Л. Бонжур призывает читателя быть «более открытым и не рассматривать когерентизм как диалектическое пугало, не заслуживающее серьезного внимания» уже потому, что «идея когерентности обозначает характеристику (или множество характеристик), которая с необходимостью причастна (requisite) обоснованию в соответствующей системе убеждений» (с. 88). Во-первых, необходимо различать когерентную теорию эпистемического обоснования эмпирического знания и когерентную концепцию истинности: «Очень часто фраза “теория истинности” апеллирует к критерию истинности – к набору правил, к которым мы обращаемся для того, чтобы заключить об истинности, например, убеждения. И в этом случае эта фраза на самом деле указывает на когерентную теорию обоснования. Однако, если все-таки удастся избежать нечеткости, касающейся понимания различия между критерием истинности и природой истинности, то нет ничего нелогичного в том, чтобы сочетать когерентную теорию обоснования и корреспондентную теорию истинности» (с. 88). Во-вторых, когерентизм рассматривается именно как теория, которая «дает ответ скептицизму». Значит не только отказ от фаундализма или фиксация на частных моментах, важных для концепции обоснования, необходима последовательная демонстрация возможности достижения основной эпистемической цели обоснования – истинности. В-третьих, экстернализм неприемлем. Важно показать, что прелагаемая концепция не является «не-фаундалистской версией экстернализма: когерентистское обоснование, по крайней мере в принципе, должно быть доступно (accessible) субъекту» (с. 89). Несложно заметить, что все эти моменты являются частью той платформы, которая была более полно представлена в первой части книги (см.: [Головкин, 2023]), и в целом отражает причастность Л. Бонжура к условной «классической традиции» – парменидовский рационализм, эвиденциализм, интернализм, реализм, корреспондентная теория истинности, акцент на сопутствующих категориальных дихотомиях и т.д.

цепции «языкового перехода» Уилфрида Селларса и «истины-достаточности» Уильяма Алстона, а также ресурсы выбранных им «метафизических ограничений», в первую очередь интернализма, для того чтобы решить самый важный вопрос о том, в каком смысле когерентная система убеждений может претендовать на то, что она действительно является системой эмпирического знания о внешней реальности.

Нелинейное обоснование, когерентность и Доксастическое Допущение

Именно нелинейный характер обоснования является той ключевой характеристикой, которая позволяет получить адекватное решение проблемы эпистемического регресса. Проблема заключается в том, что «посылки аргумента должны быть обоснованы *до того*, как они передадут (*confer*) обоснование заключению. И если мы отрицаем фаундализм и бесконечный регресс, то наш ответ *не может* быть просто связан с идеей, что обоснование движется по кругу, апелляция к многомерной замкнутой кривой не спасает» (с. 90). Концепция холистического обоснования для Л. Бонжура должна разделять «локальный» и «глобальный» контексты / уровни обоснования. Он говорит именно о двух *независимых* уровнях эпистемического обоснования: «Обоснование единичного эмпирического убеждения опирается на множество убеждений, чья обоснованность внутри системы, локально, принимается как само собой разумеющееся. Другой уровень связан с вопросом об обоснованности всей системы эмпирических убеждений. И именно этот уровень считается решающим. Но это странно, поскольку *только* вопросы, понимаемые на первом уровне, имеют значение для решения актуальных задач. Это на первом уровне обоснование *выглядит* линейным. Убеждения выстраиваются в одномерную последовательность, структурированную отношением эпистемического приоритета, в которой обоснование передается (*passed*) от одного убеждения к другому посредством инференциальной взаимосвязи. Именно такое представление и создает угрозу регресса. В холистической модели обоснованность убеждения точно также демонстрируется указанием на убеждения-посылки, из которых оно *корректно следует в соответствии с принятыми паттернами вывода*. И, конечно, убеждения-посылки в соответствующих им контекстах могут быть обоснованы точно таким же образом. Никакой серьезной опасности бесконечного регресса *на этом уровне* нет, поскольку обоснованность всей системы убеждений здесь не рассматривается. В данном конкретном контексте обоснования данного убеждения различные убеждения-посылки могут *выполнять функцию, схожую с функцией базовых убеждений*. Эти «контекстные» базовые убеждения *не обладают исключительными характеристиками* тех самых базовых убеждений в фаундализме. И если мы продолжим анализировать теперь уже эти убеждения-посылки, то в идеальной ситуации, мы, конечно, сможем описать круг и вернуться к ним самим, что и создаст *видимость* линейного характера обоснования и угрозы регресса. Однако переносить эту иллюзию на глобальный уровень обоснования будет серьезной ошибкой. Отношение между убеждениями внутри системы правильно интерпретировать *не как линейную зависимость*, когда обоснование передается от одних убеждений к другим посредством выво-

да, а как *взаимную поддержку* (reciprocal support). Мы не отрицаем само понятие эпистемического приоритета. Те отношения между индивидуальными убеждениями, которые выглядят как отношения эпистемического приоритета (priority and posteriority), только воспринимаются таковыми и на самом деле являются отношениями взаимной поддержки внутри системы, которая по отношению к ним первична. В такой системе нет понятия *абсолютный* эпистемический приоритет, а значит, *нет основания для регресса*. Здесь важно *направление аргумента* в каждом конкретном случае локального обоснования, которое будет зависеть от того, *какое именно убеждение* (или множество убеждений) будет анализироваться в данном конкретном случае. В такой системе обоснование каждого эмпирического убеждения в конечном итоге зависит не от других убеждений, как предполагала бы концепция линейного обоснования, но от всей системы и *ее когерентности*» (курсив наш. – Н. Г.) (с. 91–92). На наш взгляд, именно это представление о «нелинейности» обоснования и является *главной* отправной точкой для всей концепции Л. Бонжура. Однако ряд критиков замечает, что деление между «локальным» и «глобальным» контекстами обоснования несколько не облегчает задачу, а только создает новые трудности (см.: [Bender, 1989]). Вместо «простой» схемы, когда обоснование переходит от посылок к заключению, в схеме Л. Бонжура как минимум четыре элемента «холистической схемы» и шесть независимых отношений между ними (не все из них будут значимы), которые нужно как-то соответствующим образом определить. (1) Между убеждениями действует обосновывающее инференциальное отношение, которое в одном контексте должно удовлетворять одному отношению эпистемического приоритета, а в другом – другому. Если мы говорим об эмпирическом знании, то представление о «разном направлении аргументации в каждом конкретном случае» может предполагать разные способы задания отношения эпистемического приоритета. (2) Мы должны как-то задать представление о «когерентности» для данной системы убеждений. Можно ли задать одно общее представление для разных систем эмпирических убеждений в разных областях эмпирического знания, естественно, вопрос открытый. (3) Мы должны как-то определить, что значит «обоснованность» для *всей* системы убеждений. Постулировать наличие «глобального» уровня / контекста обоснования – это поддела². (4) Мы должны показать, как обоснование посредством «включенности» в когерентную систему эмпирических убеждений действительно достигает своей ко-

² Один из наиболее сильных аргументов против когерентистской концепции наблюдения Л. Бонжура – это отсутствие акцента на интересубъективности обоснования (см., например: [Goldman, 1989]). Обоснованность убеждения внутри системы – это одно, любое убеждение вообще имеет смысл только в рамках заданного понятийного каркаса. Другое дело, когда мы говорим об обоснованности (концептуальной) системы убеждений в целом. И уж тем более это интересно, когда мы пытаемся проинтерпретировать построения Л. Бонжура в контексте философии науки, – любой разговор об обосновании эмпирического знания автоматически привлекает внимание. Естественно, Л. Бонжур не работает в области философии науки, его интересует только эпистемическая проблематика, и это надо учитывать. Но интернализм сам по себе может и не предполагать интересубъективность. По крайней мере, если интересубъективность либо аналогичный универалистский тезис предполагается, то она должна быть закреплена отдельным постулатом, так как она не следует из интернализма. И тогда простое наблюдение, что когерентной можно сделать в общем-то любую систему убеждений, действительно может поставить в тупик. Тот факт, что ваши убеждения опираются на информацию, непосредственно получаемую от объективной реальности, еще не означает, что ваша система убеждений обоснована как целое.

нечной эпистемической цели, – продемонстрировать, что данное эмпирическое убеждение «с большой вероятностью истинно». В такой модели та самая «угроза эпистемического регресса» («линейный» характер обоснования и т.д.) будет соответствовать отношению (1)–(4), только если мы буквально забудем про (2) и (3). У нас есть только «инференциальное отношение» и «членство в системе». Конструктив же предложенной усложненной модели заключается в том, что, допустив (2) и (3), Л. Бонжур буквально показывает, каким должен быть следующий шаг построения теории. Отношение (3)–(4) не выглядит слишком сложным. У нас есть система и убеждение, которое в ней находится. Отношение (1)–(2) апеллирует к «когерентности», которую все еще нужно как-то определить. Отношение (2)–(3), по-видимому, отражает самую сложную задачу, стоящую перед Л. Бонжуrom. Необходимо показать связь между «когерентностью» и «обоснованием». Если система эмпирических убеждений когерентна (в каком смысле; а что если у нас две системы и одну из них мы принимаем как более когерентную), означает ли это, что система «с большой вероятностью истинна», в каком смысле? Именно эти моменты приведенной «холистической, нелинейной» модели обоснования обуславливают содержательный план *всей* второй части книги.

Рассуждения Л. Бонжура о «когерентности» не выглядят слишком многообещающими. Более того, он буквально устраняется от серьезного анализа этого вопроса: «Полная адекватная экспликация представления о когерентности невозможна в рамках нашей книги и, как мы подозреваем, в рамках любой книги разумного объема. Тем более что сама по себе идея когерентности не требует четкой экспликации, это не главная наша задача, так как представление о когерентности это один из основных ингредиентов буквально любой теории обоснования» (с. 93–94). В целом рассуждения о когерентности здесь можно отнести в разряд «мотивирующих», поскольку Л. Бонжур снова подчеркивает (ссылаясь на Альфреда Ивинга), что «скептик может возразить, что все не-скептические теории фундаментально ошибочны, поскольку зависят от неадекватной экспликации понятия. Сторонники когерентности “описывают идеал, который до сих пор так и не был полностью прояснен, но тем не менее имманентен каждому рассуждению”. И наше, конечно же, не идеальное интуитивное схватывание этого понятия будет продолжать приниматься как удовлетворительное, до тех пор пока скептицизм будет оставаться *единственной альтернативой*» (с. 94)³. Наиболее важный

³ Отметим, что это с точки зрения когерентизма фаундализм ложен, поскольку не может быть базовых убеждений, но с точки зрения фаундализма нет особой необходимости говорить о том, что когерентизм ложен, поскольку когерентность является источником обоснования. Кларенс Льюис апеллирует к «сообразности» (congruence), Родрик Чизолм – к «совпадению» (concurrency). Они не отрицают важность когерентности с эпистемической точки зрения, они отрицают то, что она может являться *единственным* источником обоснования. Нет ничего удивительного в том, что фаундалисты могут рассматривать когерентность как один из положительных признаков структуры системы убеждений. Как отмечает Матиас Штойп: «Во-первых, фаундалисты могут рассматривать когерентность как необходимое условие обоснования, подчеркивая, что когерентность является следствием отсутствия опровержения данного убеждения со стороны базовых. Убеждение обосновано, только если согласовано (cohere) с релевантными базовыми убеждениями и не опровергается ими. Во-вторых, для фаундалиста нет особых оснований отрицать, что если убеждение более согласовано, то оно более обосновано, чем если бы оно было менее согласовано. Согласованность выступает дополнительным качественным данным в пользу убеждения» [Steup, 1996, p. 110]. Сам Л. Бонжур приводит целый ряд различных интерпретаций и характеристик «когерентности», которые по идее могли бы играть

вопрос, который тут не только можно, но и *нужно* задать, учитывая то, что на когерентности завязаны сразу несколько ключевых моментов концепции Л. Бонжура: «Почему когерентность важна?». И очевидный ответ заключается в том, что в первую очередь «когерентность» – это атрибут, который связан именно с обоснова-

ние ее ключевых «отличительных признаков». Кратко остановимся на наиболее популярных (но мы рекомендуем внимательно прочитать весь параграф 5.3).

а) «Необходимость логической согласованности / непротиворечивости (consistency)». Множество логически согласовано, если все его элементы попарно непротиворечивы. И вопрос в том, является ли такая формальная согласованность необходимым условием когерентности, необходимым условием обоснования. Нет. Существует масса примеров несогласованных систем убеждений, которые когерентны, и наоборот (см.: [Steup, 1996, p. 118]). Более того, сама идея реально проверить систему убеждений на логическую непротиворечивость будет сопряжена с большими проблемами, в том числе вычислительного характера.

б) «Необходимость вероятностной (probabilistic) согласованности». Пусть система убеждений содержит «что Р» и «крайне невероятно, что Р». С формальной точки зрения, она согласована, но с вероятностной – нет. Можно ли вообще избежать вероятностной несогласованности, когда мы говорим о реальных системах эмпирических убеждений, неясно. Маловероятные события случаются. Вероятностная согласованность в отличие от логической, точно также как и обоснование в отличие от истинности, всегда присутствует «в какой-то степени». Здесь можно лишь подчеркнуть, что «сторонники когерентизма говорят о важности наличия позитивной связи между убеждениями, а не просто о важности отсутствия противоречий (conflict)» (с. 96). Посмотрим на эту «позитивную связь». Очевидно, она может отвечать различным «паттернам вывода», которые могут по-разному связывать разные части системы убеждений. И в соответствии с принятым Л. Бонжуром представлением об эпистемическом обосновании все эти «паттерны вывода» в обязательном порядке должны предполагать определенную степень «сохранения истинности».

в) «Связь посредством семантического следования (entailment)». Нельзя просто сказать, что отношение логического следования (entailment) – это отношение вида «если А, то Б», которое ложно только если А – истинно, а Б – ложно (невозможно, чтобы А было бы истинным, а Б было бы ложным), – это не отношение материальной импликации. Мы обязательно должны что-то сказать и про синтаксическую правильность вывода (термин «validity»), и про семантическую правильность вывода (термин «soundness»), поскольку мы апеллируем не просто к формальному условному утверждению как к образцу вывода, а к некоторой характеристике условной «логики отношений» (в строгом смысле нельзя сказать, что здесь у нас формальная логическая система), которая фиксирует именно «позитивную связь», в которой нам, конечно (в этом рассматриваемом случае), важна содержательная связь между посылкой и заключением. На первый взгляд, чем больше в системе убеждений, связанных логическим следованием, тем «устойчивее» когерентность. Однако если мы свяжем логическое следование и когерентность, то получится, что основа обоснования – дедуктивный вывод. И во-первых, это не так, это очень сильное утверждение, а во-вторых, буквально любую систему убеждений можно дополнить и сделать дедуктивно связанной (в этом случае – обоснованной), но что это даст? Сама по себе дедуктивная связанность системы убеждений ничего не дает. «Как пишет Бланшард: “Полностью когерентное знание – это знание, в котором из каждого суждения следует (entailed), или оно является следствием, остальная система убеждений”, но он сам и отмечает, что даже евклидова геометрия не всегда удовлетворяет этому требованию. Можно ослабить требование, как предлагает Ивин: “Пусть каждое утверждение следует из остальной системы”, но это тоже не лучший вариант» (с. 97). Можно вспомнить «сообразность» К. Льюиса: «Множество утверждений будет сообразным (congruent), если и только если априорные вероятности утверждений будут расти, если в качестве посылок принимаются все другие оставшиеся убеждения» [Lewis, 1946, p. 338]. Это еще большее ослабление, мы перешли от логического следования к «росту вероятности». Ивинга и К. Льюиса) пример того, что в когерентной системе мы не обязаны рассматривать «взаимную поддержку» (как у Б. Бланшарда), – можно рассматривать и однонаправленные отношения между разными частями системы убеждений (не обязательно между отдельными убеждениями): «Когерентность системы увеличивается, если растет число и сила инференциальных связей между ее компонентами» (с. 98). Каждое убеждение может участвовать в большом количестве отношений, и это (включенность убеждения в большее число разных «инференциальных связей») тоже может быть показателем когерентности системы.

нием как с демонстрацией (с большой вероятностью) истинности убеждения. Именно «обоснование» является здесь ключевым словом, а не «когерентность» сама по себе.

Кульминация пятой главы – презентация тезиса о Доксагностическом Допущении. Л. Бонжур последовательный интерналист: «Эпистемическое обоснование данного эмпирического убеждения выводится из его когерентности с общей системой эмпирических убеждений субъекта, а не является следствием наличия каких-то факторов за пределами системы» (с. 101). Естественно, возникает вопрос: каким образом этот самый факт, что «убеждение когерентно с системой», когнитивно доступен субъекту? Это важно, поскольку именно этот факт дает основания субъекту *принять* данное убеждение. Этот факт, по сути, отвечает за выполнение первого условия (belief condition)⁴. Проблема заключается в том,

г) «Связь посредством объяснения». Здесь Л. Бонжур приводит в пример логику «унификации научного знания»: «Существуют законы и принципы, которые лежат в основе (underlie) различных подсистем знания, и связь между ними, присутствие объясняющих отношений между подсистемами обеспечивает высокую степень когерентности... знакомый гемпелевский подход к объяснению выступает непосредственным следствием (corollary) того, что тут сказано. Данный факт объясняется посредством обращения к другим фактам и общим законам, из которых могут быть выведены утверждения об этом факте. Законы и теории точно так же можно объяснить и вывести из более общих законов и теорий. Отношения объяснения – это не просто дополнительные инференциальные связи внутри системы, это связи специального проникающего (pervasive) вида. Именно поэтому цель научного объяснения в том числе представить явления самых разных видов как проявления относительно небольшого числа базовых принципов. То, что Гемпель понимает под “системной унификацией” знания, которой и помогает достичь объяснение, очень близко понятию когерентности. Прогресс в теоретических науках можно рассматривать как результат поиска большей когерентности» (с. 99). Единственная проблема заключается в том, что все это хорошо звучит «в общем», но как только мы попытаемся перейти к деталям, то предложенная аналогия развалится. Является ли присутствие «отношения объяснения между данным убеждением и любым другим» необходимым условием когерентности, а значит и обоснования? Нет. «Объяснение – это придание осмысленности (intelligibility) фактам и событиям путем демонстрации того, что их появления следовало ожидать (should have been expected)» [Goldman, 1999, p. 284]. И проблема в том, что объяснения могут быть «плохие» и «хорошие» и могут приниматься и не приниматься на основании самых разных причин. И даже если мы убедим себя в том, что тот факт, что объяснение не является необходимым условием когерентности, ничего не значит, и мы все равно можем считать, что объяснение – это «позитивная характеристика», увеличивающая обоснованность, то проблема того, как отличить «плохие» объяснения от «хороших», останется. Можно добавить условие: «когерентность системы уменьшается пропорционально наличию необъяснимых аномалий внутри системы» (с. 99), но оно тоже ничего не исправит, поскольку теперь придется учитывать «временной» характер объяснения. Как следствие, Л. Бонжур напишет: «Ошибочно слишком тесно связывать объяснение и когерентность» (с. 100). Роберт Фогелин, разбирая проблемы концепции Л. Бонжура, отметит: «Принимая во внимание возможный перечень стандартов когерентности и возникающие сложности, вообще не ясно, сможет ли реальная система убеждений им когда-либо удовлетворить» [Fogelin, 1994, p. 149].

⁴ Традиционно (здесь можно вспомнить известную работу Эдмунда Гетье) в каноническом трехчастном определении знания под «первым условием» понимают «условие истинности» (truth condition). Желание поставить на первое место «условие принятия» (belief condition) продиктовано исключительно эстетическими соображениями. Об истинности чего-то можно говорить только после того, как субъект это «что-то» обозначил и принял (возможно, без определенного эпистемического статуса либо приписав какой-либо предварительный статус) в свою систему убеждений. В этом смысле, на наш взгляд, более последовательно сначала говорить об «условии принятия», которое фиксирует наличие убеждения, и только потом уже говорить об истинности убеждения как части эпистемической аргументации, нацеленной на выяснение его эпистемического статуса. Тем более что все три условия по определению независимы и каждое требует для выполнения отдельных, независимых данных (evidence).

что «ни один актуальный субъект явно (explicit) не схватывает всю свою систему убеждений; и если и схватывает, то это схватывание не выразимо словами (tacit) или скрыто (implicit), и это проблема, так как субъект должен быть обоснован актуально, а не потенциально» (с. 102). Убеждение «субъект когнитивно схватывает свою собственную систему убеждений» является своего рода мета-убеждением по отношению к эмпирическим убеждениям внутри системы, и оно также должно быть обосновано. И это при том, что не принимается не только экстернализм, но и фаундализм: «Некоторые фаундалисты могут предположить, что даже наш когерентизм должен включать представление о том, что схватывание собственной системы убеждений должно быть обосновано фаундалистски. Но, если наша критика фаундализма осмысленна (cogent), это невозможно» (с. 103). Тем интереснее вывод Л. Бонжура: «Сама возможность не-экстерналистского холизма зависит от способности субъекта когнитивно схватить свою собственную систему убеждений, также как и от ее когерентности, которая *первична* (prior) по отношению к обоснованию убеждений внутри системы. Это схватывание, от которого должна зависеть любая не-экстерналистская интерпретация когерентизма, не может быть обосновано апелляцией к когерентизму» (с. 102). В каком случае убеждение «субъект когнитивно схватывает свою собственную систему убеждений» будет пониматься как само собой разумеющееся? Например, мы можем это просто постулировать. На наш взгляд, здесь Л. Бонжур снова апеллирует к тому, что он строит концепцию обоснования именно *эмпирического знания*. Эмпирическое утверждение «я обладаю убеждением “за окном идет снег”» будет обосновано (в данном случае не само утверждение, а отвечающее ему убеждение, конечно) именно в силу того, что существование того, что собственно обосновывается, не подвергается сомнению. Существование убеждения, эпистемический статус которого оценивается, – это *предварительное, исходное* условие эпистемического анализа, это первое условие. В этом смысле с точки зрения Л. Бонжура мета-убеждение «субъект когнитивно схватывает свою собственную систему убеждений» не требует обоснования, и это не сказывается на выполнении его функции: «Вопрос в том, обоснован ли субъект в принятии убеждения, которым *он уже фактически обладает*, а не в том, является ли это убеждение каким-то образом обоснованным независимо от того, обладает ли им субъект, и не в том, будет ли убеждение обоснованным, *если* субъект будет им обладать. Все эти вопросы также, конечно, можно задавать. Однако поскольку в нашей теории источником обоснования является вся система, то сама постановка вопроса об обосновании эмпирических убеждений *предполагает* предварительное существование некоторой системы эмпирических убеждений. Вопрос об *обосновании* убеждения *уже* ставится в рамках предположения, что я уже обладаю соответствующей системой убеждений, точно так же вопрос о том, что я *принимаю* убеждение, ставится в рамках предположения, что я уже обладаю этой системой убеждений. Схватывание моей собственной системы убеждений (которое мне необходимо для того, чтобы я имел когнитивный доступ к самому факту когерентности) зависит от этого Докастического Допущения (Doxastic Presumption), а не от представления о необходимости дальнейшего обоснования» (с. 103). Более того, само по себе это Докастическое Допущение даже *не обязано интерпретироваться как еще*

одна посылка обоснования⁵. На вопрос «можно ли обосновать мою репрезентацию моей собственной системы убеждений, а не просто допустить, что моя репрезентация корректна?» Л. Бонжур уверенно отвечает «нет». На вопрос «стоит ли рассматривать различные сопутствующие эпистемологические вопросы, касающиеся системы убеждений, уже после того, как мы приняли это допущение?»

⁵ Пытаясь прояснить концепцию Докастического Допущения, Л. Бонжур акцентирует внимание на трех вопросах. а) «Моя репрезентация моей собственной системы убеждений является приближенно истинной (approximately correct)». Не нужно думать, что собственная система убеждений доступна субъекту целиком и полностью, – какие-то аспекты ее репрезентации должны быть не полны и доступны пересмотру. Мы предполагаем существование всей системы, а не отдельных убеждений, которые ее касаются. Речь идет только о том, что наше схватывание системы убеждений верно в целом.

б) «Как это работает?» Докастическое допущение не является еще одной посылкой, поскольку «единственное, что оно может нам сказать, так это то, что мое мета-убеждение (что у меня есть такое-то убеждение) предположительно является истинным, и это мета-убеждение не требует обоснования» (с. 104). Докастическое Допущение характеризует саму когнитивную практику. Наша эпистемическая рефлексия начинается с репрезентации меня самого, обладающего системой убеждений, любые вопросы об обоснованности убеждений следуют только после этого. И это мета-убеждение должно полагаться корректным еще до того, как будут заданы эти вопросы, поскольку мы сформируем его с неизбежностью, – это то, что мы делаем еще до того, как начнутся любые рассуждения о любой предполагаемой теории обоснования.

в) «Как принятие Докастического Допущения соотносится с предполагаемой скептической позицией против обоснованности мета-убеждений?». Даже если нет никакой возможности обосновать то, что моя репрезентация моей собственной системы убеждений как-то обоснована, тем не менее, все еще остается возможность говорить об обоснованности самих убеждений. «Вопрос является осмысленным только в том случае, если на него в принципе можно дать ответ. Наша теория когерентистского обоснования эмпирических убеждений в принципе не может дать ответ на вопрос об обосновании Докастического Допущения. И это очко в пользу скептицизма. Однако невозможность ответить на один скептический вопрос еще не означает, что нет смысла отвечать на другие» (с. 105). Также Л. Бонжур подчеркивает, что «эта репрезентация, предположительно, является продуктом обычной (ordinary) интроспекции, но в то время как большинство производимых интроспекцией убеждений могут быть обоснованы обращением к когерентности (см. параграф 6.5), важно то, что мета-убеждение, фиксирующее эту репрезентацию, не может быть обосновано в принципе. Это мета-убеждение должно предполагаться истинным (correct), чтобы процесс обоснования просто начался. Об этом и говорит докастическое допущение» (с. 104–105).

С точки зрения критиков, в лучшем случае статус Докастического Допущения не определен. С одной стороны, это «мета-убеждение», которое должно быть доступно субъекту для того, чтобы «начался процесс обоснования убеждений». При этом «доступ», о котором идет речь, это одновременно и доступ к частным убеждениям, эпистемический статус которых определяется, и также доступ ко всей системе убеждений, с которой эти частные убеждения должны быть когерентны. Но в этом случае это «мета-убеждение», как и любое другое убеждение, требует обоснования, и угроза регресса сохраняется. С другой стороны, Докастическое Допущение, как настаивает Л. Бонжур, может быть именно «допущением», а не убеждением. Поэтому оно не требует обоснования. В этом случае мы все равно можем задать вопросом о том, «сообщает ли оно обоснование убеждениям». Эта ситуация напоминает анализ «доктрины данного», который Л. Бонжур проводит в главе 4. Это пример ситуации, когда некоторая «установка» должна обосновывать убеждения, но при этом не должна требовать обоснования сама. И заключение может быть таким же, как и у Л. Бонжура. Для того чтобы «сообщать обоснование», эта «установка» должна обладать определенным, соответствующим поставленной цели «содержанием», но именно это «содержание», которое и должно обеспечивать обоснование, в данном случае отсутствует (см. также [Головкин, 2023]).

Еще один момент связан с тем, что волюн или неволюн Докастическое Допущение возвращает в модель «эпистемический приоритет» и в конечном итоге открывает дорогу фаундализму. Как отмечает Майкл Уильямс: «Мета-убеждения сами по себе должны быть знанием или по крайней мере быть обоснованными. Если мета-убеждения не обоснованы, то они не могут участвовать в обосновании других убеждений. Вспомним вопрос о восприятии. (Не нарушая общности рассуждений, можно считать, что в данном случае М. Уильямс имеет в виду концепцию восприятия, о которой говорит Р. Чизолм

ответ – «да». Осталось только отметить, что поскольку система убеждений субъекта изменяется со временем (появляются новые убеждения, а что-то забывается), то мы, конечно, говорим о Доксастическом Допущении именно в отношении данного «временного среза» системы убеждений субъекта ⁶.

в своей «Теории знания» [Chisholm, 1989 (1966), p. 41]. Восприятие (*S perceives that there is an F*) определяется аналогично знанию. При этом предварительным условием собственно «восприятия» является «перцептуальное принятие» (*S takes there to be an F. – Н. Г.*). Мета-убеждения, которые схватывают перцептуальное восприятие, *должны* иметь привилегированный эпистемический статус. Если они не будут обоснованы, то опираясь на них мы ничего не сможем сказать об эпистемическом статусе анализируемых обычных убеждений о том, что мы видим, слышим и воспринимаем окружающий мир. Если доксастическое допущение не будет обосновано ни в фаундалистском, ни в когерентистском смысле, то интернализм Бонжура не может быть обоснован вообще. Официально в когерентистской теории мета-убеждения должны пониматься как сами собой разумеющиеся (*for granted*) и не должны обладать (*possess*) *никаким* внутренним обоснованием. Однако сам разговор о “допущении” (*presumption*) их истинности естественным образом недвусмысленно намекает на некоторую степень их внутренней надежности (*credibility*). Более четко (*clear*) было бы сказать, что Бонжур допускает доксастическое предположение (*assumption*). Но поскольку ни один интерналист не сможет согласиться с тем, что обоснование просто следует за таким достаточно грубым (*brute*) предположением, то останется лишь признать, что невозможно быть интерналистом, не будучи при этом фаундалистом» [Williams, 1991, p. 293]. Это замечание М. Уильямса также снова может вернуть нас к четвертой главе и «доктрине данного».

И, конечно, скептицизм. Само деление между системой убеждений и мета-убеждением относительно «схватывания» или «репрезентации» этой системы также вполне естественно поднимает вопрос о том, отражает ли данное мета-убеждение (и насколько) эту систему. Если нет, то концепция Л. Бонжура окажется несостоятельной. И как отмечает Р. Фогелин: «С обезоруживающей откровенностью Бонжур сообщает, что его когерентизм не может ответить на скептический вызов в отношении доксастического допущения. Когерентистская теория не может ответить вопрос, является ли моя репрезентация моей собственной системы убеждений достаточно аккуратной. Создается ощущение, что когерентизм Бонжура опирается на гипотезу или на достаточно произвольное (*arbitrary*) предположение. Если его задачей было опровергнуть скептицизм, то проект провалился!» [Fogelin, 1994, p. 153]. Замечание справедливо. Однако на самом деле все еще хуже. Доксастическое Допущение – это не только допущение, которое фиксирует то, что а) у нас есть доступ к предположительно корректной репрезентации нашей же системы убеждений, что б) у нас есть доступ к данному анализируемому убеждению, а также, что в) мы понимаем, что наша система и данное убеждение когерентны друг с другом. Доксастическое Допущение также фиксирует то, что г) сама наша система является когерентной. И учитывая то, что Л. Бонжур сознательно не останавливается на каком-то достаточно полном позитивном представлении о когерентности, – возможностей для выдвижения скептических сомнений очень много.

⁶ Несложно догадаться, что Доксастическое Допущение является прямым следствием принятия интернализма. По определению, и убеждение, и его обоснование должны быть явно или неявно доступны субъекту «по рефлексии». И Л. Бонжур подчеркивает, что необходимым условием обоснованности множества убеждений является тот факт, что субъект, обладающий им, должен схватывать и содержание, и когерентность этого множества убеждений. Другими словами, чтобы быть обоснованным в принятии убеждения (чтобы обоснованно приписать данному убеждению данный эпистемический статус), что я стою перед вами, вы должны иметь возможность схватить содержание всей своей системы убеждений (всего множества, всех убеждений, которые сейчас составляют всю совокупность доступных вам убеждений), частью которой уже должно быть убеждение «я стою перед вами», и быть уверенными в том, что эта система убеждений когерентна, т.е. что убеждения, составляющие систему, уже находятся друг с другом в определенном интерференциальном отношении, которому мы (по каким-то причинам) приписали свойство «когерентности». И тут как минимум *нужно* прояснить, что значит, что вы «схватываете систему убеждений», и что значит, что «система когерентна»? Повторимся, вполне естественно предположить, что «схватывание» означает «сформировать убеждение», а поскольку мы схватываем систему убеждений – «сформировать мета-убеждение». Но говорить так опасно. Во-первых, если «схватывание» – это еще одно убеждение, то оно должно быть частью системы. Во-вторых, если «схватывание» – это еще одно убеждение, то оно, для того чтобы быть включен-

В последнем параграфе пятой главы Л. Бонжур формулирует так называемые «Стандартные Возражения» (против любой когерентистской концепции обоснования). Судя по всему, преодоление этих «главных затруднений» в проблемном поле есть не что иное, как *основная эвристика*, которую Л. Бонжур может предложить в пользу состоятельности своей концепции. Возражения, их анализ и аргументация за и против естественным образом задают содержание и основные этапы построения теории. Шестая глава начинается с вопроса: «Возможно ли построить такую версию когерентизма, которая будет отвечать всем трем возражениям, сформулированным в конце пятой главы?» (с. 111), первый параграф седьмой главы называется «Ответ на стандартные возражения (I) и (II)» (с. 139), на первой странице восьмой главы отмечается: «Представление о мета-обосновании обеспечивает основание для ответа на третье возражение против когерентистской теории обоснования, приведенное в параграфе 5.5» (с. 157). Л. Бонжур подчеркивает, что «эти возражения не являются полностью (*entirely*) независимыми друг от друга и могут пониматься как разные интерпретации одной проблемы. Но каждое из них обладает достаточным потенциалом и интуитивной привлекательностью для того, чтобы считаться самостоятельным, отдельным затруднением» (с. 106).

(I) «Наличие альтернативной когерентной системы». По определению, система убеждений эпистемически обоснована *только* в силу своей *внутренней* когерентности. «Не нарушая общности рассуждений, обратимся к метафоре возможных миров. Существует множество возможных миров, отличающихся от актуального бесчисленным количеством способов, и которые могут быть описаны когерентным образом. Стандарт обоснования, который апеллирует только к внутренней когерентности системы, не сможет выбрать между различными сис-

тем в систему, как и другие убеждения системы, должно быть обосновано. Мы говорим о когерентной системе, поэтому «обоснование» понимается только в терминах отношения с другими убеждениями. А значит, можно задаться вопросом, какие собственно убеждения будут вовлечены в обоснование мета-убеждения? И поскольку «схватывание» у Л. Бонжура, по определению, – это «предварительное условие постановки эпистемических вопросов», это «то, что фиксирует когнитивную практику», это «допущение», то получается, что у нас нет убеждений, «вовлеченных в обоснование мета-убеждения». А это, в свою очередь (предполагая, что мы не отказываемся здесь от конвенциональных эвиденциализма и пропозициональной трактовки знания), означает, что в нашей системе убеждений есть убеждение, которое требуется для обоснования всех остальных, но при этом само оно «не обосновано посредством других убеждений системы». Это фаундализм. И поэтому Л. Бонжур будет настаивать на том, что «докрастическое допущение» не является мета-убеждением ни в каком смысле. Однако здесь есть и еще один момент, который заслуживает особого внимания. Это вопрос о том, как вообще *возможно* доступное «по рефлексии» обоснование убеждений (или других объектов, в данном случае – «допущений»), которые получены не инференциально? В следующей (шестой) главе Л. Бонжур потратит много времени на то, чтобы показать, что обоснование «когнитивно спонтанных убеждений», – фактически убеждений, которые получаются не инференциально (непосредственно) от данных органов чувств, – тем не менее, можно привязать к тому, как они «принимаются» системой убеждений. Из того, что убеждение *получено* не инференциально, не следует, что оно обязательно не инференциально обосновано, это разные вещи. Именно поэтому, например, Докрастическое Допущение в первую очередь фиксирует то, что «моя репрезентация моей собственной системы убеждений является лишь *приближенно истинной*». Условно Докрастическое Допущение *получено* не инференциально, но его «обоснование» – это другой вопрос. После того как я зафиксировал то, что я схватил свою систему убеждений, я волен как угодно и сколько угодно убеждать в том, насколько именно моя система убеждений либо каждое из составляющих ее убеждений (как и само это «схватывание» относительно роли, которую оно играет в общем представлении о знании) правдоподобны и достоверны.

темами убеждений, которые будут одинаково корректно описывать различные возможные миры. Скептик не может мечтать о большем» (с. 107) ⁷.

⁷ Этот аргумент напоминает известный позитивистский тезис «эквивалентности эмпирического описания», когда предполагается, что мы можем построить теорию, «эмпирически эквивалентную» данной: «Пусть T – теория, описывающая ненаблюдаемые объекты. Назовем “эмпирически эквивалентной” теорию, которая делает *те же самые* предсказания относительно наблюдаемого, что и T . Мы всегда можем построить много альтернативных эмпирически эквивалентных теорий, которые предлагают другие модели ненаблюдаемого. Каждая из теорий будет одинаково хорошо подтверждаться и опровергаться эмпирическими данными. Апелляция к имеющимся данным никогда не позволит выбрать из множества эмпирически эквивалентных теорий, а значит знание относительно ненаблюдаемого невозможно» [Boyd, 1983, p. 46]. Это стандартный скептический аргумент, в котором скептик сознательно подменяет понятие выбора теории (и соответствующую «модальность», в которой задан вопрос) апелляцией к искусственному сценарию, настаивая на том, что *логическая* возможность существования «эмпирически эквивалентной» теории (и тем самым переход в другую «модальность») должна иметь серьезные последствия для нашего знания. (Аналогичным же образом, например, скептик рассуждает и в другом известном аргументе против знания – «Мозг в баке»). Возможно, это будет работать для позитивизма, учитывая особенности онтологии – жесткую границу между наблюдаемым и ненаблюдаемым и соответствующие требования к структуре теории, характерную концепцию значения, подтверждения и т.д. Однако и там появляется «тезис Дюгема–Куайна» (теория не существует сама по себе, а всегда в контексте множества вспомогательных теорий, которые важны для ее проверки), вводится различие между «потенциальными» и «актуальными» данными, вспоминают о том, что теория строится только для того, что «выдержать проверку только для намеренного множества случаев» и т.д. (см., например: [Головко, 2007a]). Сценарий выглядит сомнительным даже в рамках позитивистских представлений. Не говоря уже о том, что в натурализованной перспективе (и уж тем более в условной «реальной» научной практике) никто не верит в тезис «эмпирической эквивалентности», поскольку ученый не работает с «логической возможностью», – каждая модель ненаблюдаемого существует в своем уникальном «пространстве возможностей», отвечающем характеристикам именно конкретных постулированных ненаблюдаемых объектов (см., например, 2005)]. И тем не менее скептик может подчеркнуть, что в области эпистемологии описанная Л. Бонжуром ситуация выглядит более серьезной, поскольку аргумент не опирается на чистую «логическую возможность». Когерентность, именно как внутренняя взаимозависимость убеждений системы – это исходный пункт принятой онтологии. Тем интереснее, в каком контексте это «возражение» интерпретирует традиция, а не только сам Л. Бонжур. Как отмечает Эрнест Соса: «Представление о том, что обоснование является предметом отношений исключительно между убеждениями, открыто для возражения от *альтернативной когерентной системы* или от *отстраненности от реальности* (detachment), в зависимости от перспективы, которую мы примем. В случае “отстраненности” множество убеждений остается постоянным, и мы опускаем, что изменяется окружающий мир. В случае “альтернативной системы”, наоборот, окружающий мир полагается неизменным, а изменяться должна система убеждений. И в обоих случаях все это не будет иметь никакого влияния на обоснованность убеждений внутри системы» [Sosa, 1991, p. 184]. И естественно, Э. Соса пишет это уже с учетом решения, предложенного Л. Бонжуром. Для того чтобы ответить на Возражение (I), мы должны постулировать взаимосвязь между системой убеждений и реальностью, причем такую, которая «может привести к ситуации, в которой когнитивная система, когерентная в какой-то момент времени, вдруг может перестать быть когерентной, если появятся соответствующие данные» (с. 144). В седьмой главе Л. Бонжур вводит «Эмпирическое Требование» (Observational Requirement), гарантирующее, что «система убеждений, если она является системой эмпирических убеждений относительно внешней реальности, должна получать информацию (input) от этой реальности вследствие ее влияния на систему убеждений» (с. 154). Однако Л. Бонжур наверняка не просто так развел Возражения (I) и (II), чтобы избавиться от них одним «требованием». Собственно «влияние (input) внешней реальности» – это предмет Возражения (II). Здесь же, на наш взгляд, важно еще раз подчеркнуть различия с фаундализмом. Даже если допустить предполагаемую именно эпистемическую связь между системой убеждений и внешней реальностью, описанная ситуация просто перейдет в разряд «крайне маловероятных, но все-таки возможных». Существует фундаментальная разница в том, как фаундализм и когерентизм будут трактовать эту «связь». С точки зрения фаундализма собственно «эпистемическая составляющая» такого «влияния» (input) не обязана проявлять себя в убеждениях, – достаточно вспомнить анализ и критику экстерналистских версий фа-

(II) «Необходимость пополнения (input) эмпирического содержания системы». Когерентность описывает *внутренние* отношения между компонентами системы убеждений. «Ничего из того, что мы можем сказать о когерентности, не говорит о том, что когерентная система должна (need) каким-либо образом получать информацию (input) со стороны либо ощущать причинное влияние независимого внешнего мира. Система убеждений, которая никоим образом не зависит от отношений с миром, не может составлять (constitute) эмпирическое знание о нем, – убеждения, составляющие эту систему, не будут эпистемически обоснованными, даже если они каким-то образом окажутся истинными. По сравнению с первым, это возражение сложнее уловить, но вместе с тем оно гораздо более фундаментальное» (с. 108)⁸.

(III) «Связь с истинностью». Она из ключевых задач адекватной эпистемической теории – показать взаимосвязь между предполагаемой интерпретацией эпистемического обоснования и общей когнитивной целью познания – истинностью. «Нужно как-то показать, что обоснование в том виде, как оно представляется (conceived) в когерентной теории, является приводящим к истинности (truth-conducive), т.е. то, что обоснованные убеждения с большой ве-

ундализма в третьей главе. В то время как с точки зрения когерентизма эта «эпистемическая составляющая» *обязана* быть доксистической, обязана быть выраженной в убеждениях. И это приведет к тому, что Л. Бонжур будет вынужден не только «обоснование», но и «достоверность» определять *внутри* системы. Предмет Возражения (I) не абстрактная возможность появления «альтернативных систем», не поиск надлежащего эпистемического контекста, в котором когерентная система убеждений будет системой именно эмпирического знания, а поиск ограничений, которые мы должны наложить на когерентизм для того, чтобы быть *эпистемически* обоснованными.

⁸ Предмет Возражения (II) в том, что наша система убеждений должна оставаться именно системой эмпирического знания относительно внешней реальности. Л. Бонжур реалист, он принимает корреспондентную теорию истинности, он строит концепцию обоснования эмпирического знания, и он интерналист. Проблема в том, что он хочет построить именно когерентистскую концепцию. Когерентность, по определению, является предметом *внутренних* отношений между компонентами системы убеждений. И если когерентность системы – это единственное основание обоснования, то эмпирические убеждения будут обоснованы независимо от того, как они соотносятся с внешним миром, независимо от того, существует ли этот внешний мир, который они предположительно должны описывать. И дело не во внешнем мире: практика показывает, что концепция эмпирического знания очень даже может ужиться с идеалистическими (Дж. Беркли) или инструменталистскими (Э. Мах, А. Пуанкаре, Б. Фраассен) представлениями (см., например [Головкин, 20076]). Дело в том, что контингентный характер эмпирического знания по определению предполагает необходимость появления новых эмпирических данных, новых убеждений, категоризирующих данные, получаемые от внешней реальности. Наша система убеждений, по сути, является не строгой репрезентацией внешней реальности и постоянно вынуждена «подстраиваться» под наше же взаимодействие с реальностью. И ключевая задача, которая стоит перед Л. Бонжуrom, заключается в том, чтобы представить это «пополнение» (input) системы убеждений в результате того, что наша когнитивная система аффицируется внешней неконцептуализированной реальностью, и сделать это так, чтобы оставаться когерентистом. Конечно, этот вопрос может касаться выбора метафизических оснований, – зачем реализм, следовало ли выбирать корреспондентную теорию истинности, насколько нечетким в данном случае является понятие «пополнение» и т.д. Но мы должны оставаться именно в эпистемической плоскости. И здесь мы можем лишь отметить то, что фаундализм на самом деле точно также беззащитен против этого возражения, как и когерентизм. В каком смысле недоксистический характер базовых убеждений гарантирует, что они являются убеждениями относительно внешней реальности; как тот факт, что в обыденной жизни мы легко полагаем какие-то убеждения именно «знанием» и не ошибаемся, соотносится с фактом, что эти убеждения объективны по своему содержанию или хоть как-то соотносятся с реальностью, и т.д. «Случайность» истинности эмпирического знания – это фундаментальный вопрос эпистемологии.

роятностью являются истинными. Это наиболее фундаментальное возражение из трех» (с. 109)⁹.

Когерентистская концепция наблюдения

Шестая глава целиком посвящена основаниям авторской концепции наблюдения Л. Бонжура¹⁰. Л. Бонжур говорит об обосновании эмпирического знания,

⁹ Не стоит забывать, что исторически в нововременной философии условная «когерентистская» модель знания появляется (становится особенно востребованной и обретает значимость) именно в идеалистской парадигме, – достаточно вспомнить «первичность деятельности сознания» и особенности «реконструирования мира» у Иммануила Канта. Потом был прагматизм Чарльза Пирса, частью которого является «прагматическая концепция истинности как когерентного intersubjectively согласия между учеными». Потом инструментализм Эрнста Маха и Анри Пуанкаре, когда «теория полагается как инструмент» и «если мы можем их посчитать, то они существуют». Потом научный реализм Хилари Патнэма и представление об истинности «как о рациональной приемлемости на идеальном пределе научного исследования» вместе с верификационистской концепцией значения Майкла Даммита и т.д. Исторически в когерентизме (или в тех концепциях, которые мы можем признать когерентистскими по какому-либо признаку) проблема соотношения обоснования и истинности решалась именно как попытка сконструировать «истинность» в терминах обоснования-на-пределе-исследования. И это сугубо идеалистский ход. Мы можем принять когерентистскую теорию обоснования, только если примем когерентистскую концепцию истинности. Очевидно, что если истинность – это «идеальная» (достижимая на пределе) когерентность, то вполне нормально предположить, что когерентная (на данный момент времени, не говоря уже о сохраняющей когерентность достаточно длительных промежутках времени) система будет «приводящей к истинности» (truth-conductive). Однако то, что хорошо для идеализма и верификационизма Ч. Пирса, Э. Маха и Х. Патнэма, совсем не подходит решению той проблемы, о которой говорит Л. Бонжур. «Суть проблемы поиска адекватного соотношения обоснования и истинности заключается в том, чтобы указать на основания или предложить мета-обоснование для предполагаемых стандартов эпистемического обоснования. Обосновать то, что следование этим стандартам с необходимостью ведет к истинности убеждений. И сила подобного мета-обоснования будет зависеть от *независимых* аргументов в пользу принятия предполагаемой концепции истинности. Если единственным аргументом в пользу принятия данной концепции истинности является апелляция к данным же стандартам обоснования, то предполагаемое мета-обоснование (а мы обязаны предположить, что мета-обоснование необходимо в любом случае) потеряет всю свою силу. Мы будем говорить, что данные стандарты эпистемического обоснования корректны, поскольку приводят к истинности, понимаемой таким-то образом. И что эта же концепция истинности корректна, потому что только данные стандарты обоснования могут ее достичь. Подобное рассуждение, очевидно, можно привести для обоснования любых стандартов обоснования. Ничто не мешает нам принять наш собственный, сколь угодно глупый (silly), произвольный стандарт обоснования, нужно только зафиксировать, что истинность (какую бы нестандартную концепцию мы ни выбрали) определяется в терминах обоснования-на-пределе (justification-in-the-long-run). Мораль истории заключается в том, что несмотря на то, что адекватная эпистемологическая теория должна перебрасывать мост между обоснованием и истинностью, само по себе принятие нестандартных концепций истинности, – таких как когерентная концепция истинности, – ни о чем не говорит, до тех пор пока у нас не будет *независимых* аргументов в пользу принятия этих концепций истинности. Отсюда мы можем предположить, что когерентистская концепция обоснования никогда не сможет установить адекватную связь с истинностью. Поскольку такая концепция может быть связана только с когерентной концепцией истинности, а это значит, что, отрицая когерентную концепцию истинности, мы автоматически должны отрицать возможность когерентистской концепции обоснования» (с. 109–110). Наиболее примечательным здесь, конечно, является то, что Л. Бонжур настаивает на том, что частью его когерентистской концепции обоснования должна быть именно корреспондентная теория истинности. И в этом смысле идеализм, прагматизм, верификационизм и различные «суррогаты» и семантического, и эпистемического толка просто не могут считаться легитимными онтологическими позициями, поскольку вся суть этих позиций как раз и заключается в том, чтобы не приводить (они буквально строятся исходя из этого допущения) независимых аргументов в пользу выбора соответствующей концепции истинности.

¹⁰ В оригинале Л. Бонжур использует термин «observation» и производный от него термин «убеждение наблюдения» (observational belief). И здесь, по-видимому, нужно еще раз вспомнить

а значит вполне естественно, что ключевую эвиденциальную роль в ней должны играть «эмпирические убеждения». Он не отказывался от эвиденциализма и почти наверняка трактует собственно «эмпиризм» как концепцию, в которой «единственным источником знания полагаются данные экспериментов и наблюдений». Учитывая то, что «эмпирическое знание» по своей природе в первую очередь является *перцептуальным* знанием, Л. Бонжуру необходимо построить когерентистский аналог концепции восприятия: «Задача заключается в том, чтобы построить жизнеспособную концепцию наблюдения (observation) и показать не только то, как возможно наблюдение и пополнения (input) эмпирического содержания

про проблемы, связанные с переводом на русский язык философской терминологии (см.: [Головкин, 2023]). Термин не должен просто как-то звучать в русском переводе какого-то текста, – его передаваемое в русском языке значение как минимум должно отвечать трем условиям: а) отражать намеренное значение, которое приписывается данному термину автором в данном тексте. Не секрет, что один и тот же термин у разных авторов (а иногда и у одного автора) в разных работах (а иногда и в одной работе) может иметь самое разное значение, просто потому что философия состоит из «шахматных ходов, сделанных в конкретной расстановке соперничающих позиций», и предварительная явная или неявная «реконструкция проблемного поля», которая и определяет значение терминов в данном тексте, сама по себе является одним из ключевых источников креативности и новизны гипотезы. И, к сожалению, понимание именно этого контекста, как правило, скрыто от нас и расстояниями во времени и пространстве, и культурными отличиями, и просто уровнем образования. Хороший пример – «идеология» у У. Куайна. б) Кроме намеренного значения термина, большое значение может иметь парадигмальное значение термина, которое ему приписывает та или иная философская традиция. Понимание этой разницы дает возможность не путать эстетику И. Канта и эстетику А. Баумгартена. Наконец, в) русский перевод должен хоть как-то отвечать конвенциональным нормам «семантической ассоциации», сопряженной с употреблением данного русского слова. «Фундаментализм» не может быть «интерналистским», «мнение» не может быть «несомненным»; «базовые убеждения» не могут «базироваться в / на перцепциях». В нашем случае мы готовы написать «убеждение наблюдения» по аналогии с устоявшимся переводом «observational language» как «язык наблюдения» в «Методологической природе теоретических понятий» Р. Карнапа (1956), который полностью интерпретирован и в котором значения переменных отвечают конкретным наблюдаемым вещам. Тем более что цель, которую ставит перед собой Л. Бонжур, – это «построить жизнеспособную концепцию наблюдения» (с. 112). Однако в данном случае мы не можем без достаточного числа оговорок и дополнительных пояснений воспользоваться «парадигмальным значением термина», поскольку, во-первых, мы не обсуждаем собственно парадигму английского эмпиризма и ее следствия, но говорим об эмпирическом знании. Во-вторых, по ходу текста Л. Бонжур периодически будет апеллировать к различным типам условных «убеждений наблюдения» – «perceptual», «visual», «sensational», «raw feels» и т.д. Для него это все будут типы, отвечающие «убеждениям наблюдения», но, как правило, на наш взгляд, в русском языке значение термина «убеждение наблюдения» гораздо уже. Поэтому мы изначально будем использовать более широкий термин – «эмпирическое убеждение» и специально оговариваться там, где это необходимо. И так же как в случае с «эмпиризмом» источником простых «эмпирических убеждений» будут наблюдение и эксперимент, которые мы здесь по понятной причине редуцируем до «элементарных наблюдений» независимо от их типа. Хотя, конечно, определенная аналогия с «языком наблюдения» (как и претензия на общность понимания термина «наблюдение») здесь присутствует. Особенно когда Л. Бонжур говорит о том, что «именно с ними должны быть когерентны все другие убеждения системы, чтобы быть обоснованными» (с. 138). В то же время в качестве эвристики принятой нами установкой можно привести тот факт, что один из ключевых терминов концепции Л. Бонжура – «observational requirement» переводится нами как «(контролирующее) Эмпирическое Требование». И мы готовы утверждать, что именно такой перевод не будет нарушать соотносимые «семантические ассоциации», особенно когда Л. Бонжур будет говорить о том, что «наилучшим объяснением сохранения когерентности во времени при непрерывном пополнении (input) системы эмпирическим (observational) содержанием является приближенная истинность убеждений, составляющих систему» (с. 171). В данном случае Л. Бонжур точно не использует парадигмальное значение «наблюдения». Возможно даже, что тут ближе будет значение термина «восприятие».

системы вследствие воздействия на нее внешней реальности, но и то, как эта концепция будет непротиворечиво соотноситься с когерентистским представлением об обосновании» (с. 112). В самом конце главы Л. Бонжур напишет: «Исходный пункт моей когерентистской концепции обоснования – Доксастическое Допущение – рефлексивное схватывание (*grasp*) субъектом своей собственной системы убеждений. Предполагается, что относительно этого схватывания мы можем определить класс “когнитивно спонтанных убеждений”, а также зафиксировать то, что отдельные типы этих убеждений определяются *изнутри системы* как достоверные, т.е. с большой вероятностью истинные. Основанием определения их как “достоверных” будет тот факт, что убеждения одного типа будут *согласованными* (*agree*) как друг с другом, так и с убеждениями других типов, принадлежащих тому же классу когнитивно спонтанных. Под “согласованностью” здесь мы понимаем то, что убеждения а) не противоречат (*contradict*) друг другу и б) будучи сопоставленными (*fit*) друг к другу, вместе с соответствующими теоретическими допущениями они образуют (*form*) когерентный образ объективного мира, включая объяснение того, почему такие убеждения являются достоверными. Подобные убеждения будут определяться изнутри системы как *убеждения наблюдения* (*observational*), и именно с этими убеждениями должны быть когерентны все другие убеждения системы, чтобы *быть* обоснованными. Как мы покажем в восьмой главе, наилучшим объяснением согласованности (*agreement*) большого числа когнитивно спонтанных убеждений (разных типов. – Н. Г.) является то, что они произведены (*caused*) именно таким образом, что по своей природе *отражают* внешнюю реальность» (с. 138). Наличие в когерентной системе убеждений «выделенного класса убеждений, с которыми все другие убеждения системы должны быть когерентны, чтобы быть обоснованными (с большой вероятностью истинными. – Н. Г.)», «достоверность, определяемая изнутри системы», и «отражение объективной реальности», – это то, что, несомненно, привлекает повышенное внимание к концепции Л. Бонжура. Как пишет М. Суэйн: «Концепция наблюдения Бонжура является *величайшим* (*greatest*) достижением его книги и одной из наиболее интересных из недавних разработок в теории обоснования» [Swain, 1989, p. 116].

Как отмечает Л. Бонжур: «Важным для любой концепции наблюдения является то, что убеждения наблюдения являются *не инференциальными* по своей природе, субъект получает их “непосредственно” (*directly or immediately*), а не в результате какого-то вывода или дискурсивного процесса. Но в когерентистской концепции *любое* обоснование должно быть выводным. И это известная проблема, – как адаптировать в когерентистской концепции исключительную роль убеждений, непосредственно фиксирующих данные органов чувств?» (с. 112). Впрочем, ответ нашелся достаточно быстро. Для того чтобы фаундализм не был единственной альтернативой, мы должны понять, что «убеждения могут быть выводимыми или не выводимыми в *двух* совершенно разных смыслах: убеждения наблюдения являются очевидным и парадигмальным примером не выводимых убеждений, в том смысле что они *не выводимы по происхождению* (*origin*). Однако совершенно не очевидно, что не выводимые в этом смысле убеждения должны быть также не выводимыми во втором смысле. Они не обязаны быть *не выводимыми*

мыми по обоснованию (warrant)» (с. 113)¹¹. И здесь Л. Бонжур напрямую ссылается на Уилфрида Селларса: «Нечто наподобие концепции наблюдения (observation) Селларса должно выступать основным ингредиентом когерентистской теории эмпирического знания» (с. 117). Следуя Л. Бонжуру: «Селларс характеризует процесс, который заканчивается формированием убеждения наблюдения (или соответствующим утверждением) как “языковой переход” (language-entry transition). В процессе такого перехода субъект занимает “позицию” в соответствующей лингвистической или концептуальной “игре” в силу условного отношения стимул-реакция, где не стимул, а именно реакция является позицией. Убеждение, которое является результатом такого процесса, вызвано (caused) чем-то снаружи системы убеждений, но обосновано только *внутри* системы; и более того, его обоснование зависит и от самого акта причинения, и от того, как именно оно было вызвано снаружи. Только в этом случае надежность (credibility) данного индивидуального убеждения наблюдения будет установлена до того (prior), как будет установлена надежность того типа, которому оно принадлежит. И именно в этом смысле такие убеждения будут *пополнять* (input) систему убеждений и могут рас-

¹¹ Другими словами эту идею можно выразить так. Есть вопрос о том, «каким образом мы приходим (arrive at) к убеждению». Это вопрос об источнике убеждений, было ли оно *получено* инференциально – выведено из других убеждений – или нет. И здесь буквально можно вспомнить все, что говорилось выше о проблеме регресса. Почти наверняка считать абсолютно все убеждения выводимыми нельзя. И есть другой вопрос о том, «какого рода обоснованием обладает (possess) убеждение». Это вопрос о том, как мы понимаем обоснование, согласны ли мы с тем, что эпистемический статус – это следствие сопоставления анализируемого убеждения и каких-то других убеждений посредством некоторого инференциального отношения либо он закрепляется каким-то другим, не инференциальным способом. И очевидно, что «убеждения наблюдения» – это пример убеждений, не выводимых в первом смысле, не выводимых по происхождению. Здравый смысл подсказывает, что «убеждения наблюдения» нельзя считать выводимыми уже потому, что так они не будут обладать той особой эпистемической ролью, которой их обычно награждают. Эмпиризм по природе своей требует того, чтобы данные органов чувств описывались бы убеждениями, содержание которых не просто бы выводилось из содержания других убеждений системы, а в известном смысле получалось бы независимым способом, не инференциально. И именно эта особенность эмпирического опыта открывает возможность для проверки системы. «Однако совершенно не очевидно, что убеждение, которое получено не инференциально, обязано быть не выводимым *во втором* смысле, – что его обоснование не опирается на другие убеждения. Почему в отношении убеждения, полученного из не доксистического источника, мы не можем предположить, что единственный способ ему получить эпистемический статус – быть обоснованным, – это получить обоснование от других убеждений системы, и именно в когерентистском смысле? Вполне обычно, когда убеждение может неожиданно и спонтанно появиться из ниоткуда, и только по прошествии какого-то времени субъект убедится в том, что оно согласуется (cohere) с остальной системой убеждений. Сама по себе такая возможность не представляет интереса, поскольку факту, что убеждение получено не выводимо, в данном случае не придается какая-то особая важность. Мы не рассматриваем эту ситуацию так, как будто речь идет о независимой проверке принятого представления об обосновании. Гораздо более интересная ситуация возникает, когда убеждение получено из недоксистического источника и обосновано только в когерентистском смысле, но это когерентистское обоснование *каким-то образом зависит* от его неинференциального происхождения, от способа, которым оно было получено. Такое убеждение будет выводимым во втором смысле, оно будет обосновываться посредством апелляции к другим убеждениям, но при этом оно будет зависеть от способа, которым оно было получено, зависеть от природы и характера своей неинференциальности в первом смысле. И именно такими могут (ought) быть убеждения наблюдения в когерентистской системе» (с. 113). Естественно, с точки зрения фундаментализма «убеждения наблюдения» обязаны быть не выводимыми в обоих обозначенных смыслах.

смагиваться как внешняя проверка (check) того, как работает внутренняя когерентность» (с. 116).

Последний момент крайне важен для Л. Бонжура: «Селларс отрицает, что надежность индивидуальных эмпирических убеждений непосредственно следует (derived) из характеристик, которые приписываются типу, которому они принадлежат. Он отрицает то, что только пропозициональное содержание эмпирических убеждений без учета каких-либо дополнительных соображений, например о том, как они были получены (come to be held), будет иметь значение для обоснования: единственным требованием в этом случае будет то, чтобы убеждения, содержания которых будут сопоставлены (fit) друг другу, образовывали бы когерентную систему. Эмпирические убеждения, принадлежащие любой согласованной таким образом системе, будут считаться обоснованными, но так мы будем полностью беззащитны перед возражением (I). Также очевидно, что в данном случае будет нечего сказать и о возможности пополнения (input) системы эмпирических убеждений за счет влияния на нее внешней реальности. Альтернатива, которую формулирует Селларс, заключается в том, что надежность индивидуальных эмпирических убеждений не зависит только от их содержания, но каким-то образом зависит *от способа*, которым каждое эмпирическое убеждение было принято (come to be accepted) от его источника, от того, как оно было помещено в сознание субъекта. Но как можно понять эту идею, что надежность эмпирического убеждения можно вывести из его происхождения? Селларс пишет: “Явное или неявное единичное убеждение типа ‘Это зеленое’ в присутствии зеленого объекта выражает перцептуальное (observational) знание, если и только если само это убеждение выражает (manifest) тенденцию к получению явных или неявных убеждений типа ‘Это зеленое’ именно тогда, когда мы смотрим на зеленый объект в обычных условиях восприятия” (167). Здесь “тенденция” следует понимать как *эмпирический закон*, которому подчиняется поведение субъекта как результат его предыдущих образования и подготовки. И, к сожалению, подобное представление напоминает логику рассуждений экстерналистов. Селларс, однако, отрицает экстернализм. Для того чтобы подобное убеждение было (constitute) знанием, основание его веса (authority) – собственно тот факт, что наличие подобного убеждения законоподобным образом коррелирует с актуальным присутствием зеленых объектов, – должно *распознаваться* субъектом, который этим убеждением обладает. Субъект сам должен быть в состоянии обоснованно вывести из этого факта (вероятную) истинность убеждения, т.е. (вероятное) актуальное присутствие зеленого объекта перед ним. Воспринимающий субъект “должен *знать*, что убеждения типа ‘Это зеленое’ являются достоверными (reliable) симптомами присутствия зеленого объекта в обычных условиях визуального восприятия” (168). С этой точки зрения обоснование убеждений наблюдения будет всегда зависеть от общего знания, что убеждения соответствующего типа являются номологически достоверными индикаторами актуального присутствия ситуаций определенного вида, чье существование они декларируют (assert), – а это значит, кроме прочего, что убеждения наблюдения не могут быть базовыми в фаундалистском смысле. Более того, это общее знание, о котором говорит Селларс, в свою очередь, опирается на другие эмпирические убеждения, которые точно так же опираются на какие-то другие

общие знания и т. д. И это не значит (как можно было бы предположить, если бы мы пользовались линейной концепцией обоснования), что субъект должен (must) знать все множество актуальных сопутствующих знаний до (prior) того, как он перейдет к обоснованию данного убеждения. Конечно, какие-то убеждения будут приниматься (believed) раньше, чем другие, но их обоснование будет зависеть, во-первых, от того, что все они принимаются, и, во-вторых, – от того, что все эти убеждения, будучи сопоставленными (fit) друг другу надлежащим образом, формируют когерентную систему убеждений» (с. 115–116)¹². Заручившись поддержкой У. Селларса, Л. Бонжур формулирует основную часть своей «когерентистской концепции наблюдения»: «Ключевое допущение (claim) когерентистской концепции наблюдения заключается в том, что мои убеждения наблюдения будут эпистемически обоснованы только в присутствии и в силу сопутствующего (background) эмпирического знания, которое и фиксирует, что данные когнитивно спонтанные убеждения (cognitively spontaneous beliefs) соответствующего вида в таких-то условиях являются эпистемически *достоверными*» (с. 122). На первый взгляд, в самой этой формулировке нет ничего необычного, однако сложность представления будет заключаться и в том, как мы понимаем центральный объект концепции – «когнитивно спонтанные убеждения» и их «достоверность», и в том, как именно обосновываются посылки предполагаемого аргумента в пользу этой «общей модели (account) наблюдения» именно с учетом того, что это интерналистская когерентистская концепция.

Основное преимущество «когнитивно спонтанных убеждений» заключается в том, что в силу их «когнитивной спонтанности» мы можем говорить о том, что они обоснованы «изнутри системы». «Я сижу за рабочим столом и у меня возникает убеждение “передо мной лежит красная книга”. Фактически, конечно, я не просто принимаю, что передо мной лежит красная книга, а также то, что передо мной находится объект определенного размера, характерной формы, поверхность которого отражает какой-то оттенок красного цвета и так далее. Важно то, что в этом случае я *не вывожу*, что передо мной красная книга, все это просто приходит в голову (occur) невольно, но настойчиво; такие убеждения мы будем

¹² Отметим, что в оригинале у У. Селларса речь идет о единичных представителях и типах именно «предложений» (sentence), а не «убеждений» (belief). Логика рассуждений У. Селларса такова (см.: [Sellars, 1963, p. 165]). Существует два способа, которым единичный представитель типа получает «надежность». Она либо приписывается (ascribe) на основании того, что данное предложение есть предложение соответствующего типа, либо получается иным способом, например, она может «приписываться предложению на основании того факта, что оно обрело существование (came to exist) определенным способом в определенных обстоятельствах». Также существует два способа, которыми «надежность» получают типы. Надежность либо присуща всем предложениям данного типа некоторым внутренним (intrinsic) способом, либо может «приписываться в силу их логической связи с другими типами». Важно следующее: «Кажется очевидным, что надежность типов эмпирических предложений нельзя проследить (trace), не обращаясь к надежности других типов предложений. И поскольку, по-видимому, ни один тип эмпирических предложений не обладает внутренней надежностью, то это означает, что некоторым типам эмпирических предложений надежность может приписываться посредством их логической связи с какими-то единичными представителями других типов, и в том числе с единичными представителями, надежность которых не выводится, в свою очередь, из надежности соответствующих типов» [там же]. Убеждения наблюдения должны быть не выводимыми, но несмотря на это каким-то образом они должны быть знанием, т.е. должны быть обоснованными. Ответ Л. Бонжура заключается в том, что их «надежность» является функцией того, как они принимаются, как именно они «come to be accepted».

называть *когнитивно спонтанные*. Конечно, можно сказать, что подобное убеждение является результатом “до-сознательного” вывода и не является неинференциальным. Однако подобные утверждения о деятельности сознания и тем более аргументы в их пользу, как правило, ничем не лучше представления о “когнитивной спонтанности” и точно не более ясны. Принимая во внимание поставленные цели, мы будем трактовать концепцию когнитивной спонтанности как исключаящую только дискурсивные процессы, которые доступны сознанию в обычном состоянии (и они также могут быть скрытыми и неявными и требующими дискурсивного рефлексивного размышления, чтобы их обнаружить). Каким образом мы можем эти убеждения обосновать? Есть несколько очевидных и вместе с тем важных *фактов*, касающихся любых убеждений, их контекста и содержания, которые можно было бы выбрать как посылки предполагаемого аргумента в пользу существования когнитивно спонтанных убеждений.

(а) Во-первых, когнитивно спонтанное убеждение – это убеждение определенного типа, которые по предварительному размышлению мы всегда можем задать, например, говоря о зрительных (visual, но мы хотим подчеркнуть не то, какое оно “в красках”, а именно его источник. – Н. Г.) убеждениях относительно цвета “физических объектов среднего размера”. Отметим, что термин “зрительный” уже предполагает некоторую классификацию и каузальную этиологию, в то время как определение типа убеждений может затрагивать только внутренние характеристики и содержание убеждения независимо от того, как это убеждение произведено.

(б) Во-вторых, необходимо зафиксировать условия наблюдения: я нахожусь на разумном расстоянии от книги, глаза и освещение функционируют нормально. Обычно говорят о “стандартных условиях восприятия”, но они могут существенным образом отличаться от случая к случаю, и на полный перечень этих условий рассчитывать не стоит.

(в) В-третьих (перефразируя рассуждения Селларса), существует закон природы, который объединяет меня и достаточно большой класс аналогичных наблюдателей (определение этого класса может быть частью “условий наблюдения”), что наши когнитивно спонтанные убеждения заданного типа, полученные в таких-то и таких-то условиях, будут достоверны и с высокой вероятностью являются истинными» (с. 117–118)¹³. Важно то, что обоснование в рамках когерен-

¹³ Чуть ниже Л. Бонжур приводит несколько примеров, в которых у субъекта есть «когнитивно спонтанное убеждение», но он не обладает перцептуальным знанием, в частности, именно потому, что не выполнено то или иное сопутствующее условие: определение типа слишком «узкое», не выполнены «условия наблюдения», убеждение не является «истинным с большой вероятностью» и т.д. Более того, вместе с «позитивным перцептуальным знанием» Л. Бонжур рассматривает и «негативное перцептуальное знание», – и этот пример даст возможность найти еще один – *четвертый* «важный факт, касающийся любых убеждений, их контекста и содержания». «Глядя на мой стол, я прихожу к предварительному заключению, что синей книги на столе нет. Это знание, очевидно, близко соотносится (closely connected) с наблюдением. Независимо ни от чего это знание можно рассматривать (regard) как перцептуальное. Однако подход, который мы разбирали выше, неприменим здесь, поскольку у меня *нет* “спонтанного зрительного убеждения” о том, что на столе нет синей книги. Я не могу сказать, что я вижу отсутствие, скорее, я не вижу присутствия. У меня нет “спонтанного зрительного убеждения”, что на столе лежит синяя книга, даже несмотря на то, что условия наблюдения именно таковы, как будто бы я ожидал, что синяя книга действительно была бы на столе. Этот пример показывает, что “спонтанные зрительные убеждения” в отношении физических объектов среднего размера являются *достоверными индикаторами актуального присутствия* таких объектов, по крайней мере,

тистской концепции должно зависеть «исключительно от сопутствующего знания и того контекста, который задают другие убеждения», и при этом обоснование посылок, – что «у нас есть когнитивно спонтанное убеждение типа *K*», что «условия наблюдения *C* выполнены» и что «существует закон, согласно которому убеждения типа *K* при выполнении условий наблюдения *C* являются с большой вероятностью истинными», – не должно апеллировать к базовым убеждениям.

Разобрав таким образом понятие «когнитивно спонтанное убеждение», Л. Бонжур приступает к формулировке аргумента, основная идея которого заключается в том, чтобы показать, как именно обоснование перцептуального знания может «зависеть исключительно от сопутствующего знания и контекста, который задают другие убеждения и из которого видно, что когнитивно спонтанные убеждения соответствующего типа достоверны». С точки зрения Л. Бонжура *когерентистская концепция наблюдения* включает следующие «необходимые (essential) условия».

в двух разных смыслах: (а) эти убеждения не только (при выполнении надлежащих условий) с большой вероятностью являются истинными, когда появляются (occur), они также (б) с большой вероятностью появляются (опять же, при выполнении надлежащих условий) в тех ситуациях, когда они будут (would be) истинными» (с. 121). Последний случай (б) – это и есть четвертый факт (г), который Л. Бонжур называет «обратной (converse) достоверностью». Таким образом, говоря о *достоверности* «когнитивно спонтанных убеждений», мы должны будем говорить о двух видах «достоверности» – «прямой» (убеждения с большой вероятностью являются истинными, когда появляются в соответствующих условиях) и «обратной» (убеждения с большой вероятностью появляются [при выполнении надлежащих условий] в тех ситуациях, когда они будут истинными) достоверностях.

Интересно то, что в примечаниях Л. Бонжур ссылается на известную работу Уильяма Алстона «Многообразие привилегированного доступа» [Alston, 1971] и сравнивает свое представление о «появлении когнитивно спонтанного убеждения в ситуации, когда оно будет (would be) истинным» с понятием «истины достаточно» (truth-sufficiency). У. Алстон приводит цитату Сидни Шумейкера: «Утверждения определенного типа, которые я называю “утверждениями об опыте от первого лица”, характеризуются тем, что условия их правомочного высказывания (being entitled to assert) не заключаются (consist) в том, что мы уже установили то, что это утверждение истинно, т.е. что у нас есть хорошие данные в пользу того, что оно истинно, либо что мы уже увидели, что оно истинно, – они просто заключаются в истинности (being true) утверждения» [Shoemaker, 1963, p. 216] и предлагает использовать термин «истины достаточно» для описания этой эпистемической ситуации. «Субъект *P* приписывает характеристику “истины достаточно” для пропозиций типа *R*, если и только если для любой истинной пропозиции *S* типа *R* логически невозможно, что *P* не обоснован в принятии *S*. Условие “что *S*” для “*P* знает, что *S*” логически влечет (imply) условие “*P* обоснованно принимает *S*”. С точки зрения представления о привилегированном доступе, мы можем зафиксировать “истины-достаточность” следующим образом: “Субъект настолько связан (related) с пропозициями, приписываемыми ему текущие психические состояния, что логически невозможно *одновременно* а) для такой пропозиции быть истинной и б) для субъекта не быть обоснованным в том, что она истинна; и никто другой не связан так с этой пропозицией”. Знание, предполагающее “истины-достаточность”, является предельным случаем прямого (direct) знания; потому что здесь то, что берется для того, чтобы обосновать убеждение, является тем, что независимо необходимо для знания, а именно – истинность убеждения. А значит, ничего кроме двух других условий знания не требуется для того, чтобы условие “*P* обоснованно принимает *S*” было выполнено. Мы можем назвать те случаи знанием, в которых для того чтобы условие “*P* обоснованно принимает *S*” было выполнено, не требуются другие условия кроме других условий знания – “автономное” знание» [Alston, 1971, p. 234]. Очевидно, что после такой апелляции к У. Алстону мы можем заключить (кроме того, что Л. Бонжур все «списал / творчески переработал некоторые понятия» у У. Селларса и У. Алстона), что Л. Бонжур действительно может говорить о том, что «когнитивно спонтанные убеждения» одновременно могут быть и «достоверны» (в силу их «истины-достаточности» в интерпретации Л. Бонжура), и «обоснованны» (в силу того, что их «надежность является функцией того, как они принимаются», что означает, что они не выводимы по происхождению, но не являются не выводимыми по обоснованию) именно «изнутри системы».

а) Должен существовать класс или категория когнитивно спонтанных убеждений, которые отличаемы и распознаваемы субъектом и которые будут определяться по их предмету и отличительному содержанию, а также по другим интроспективно доступным характеристикам и признакам. Представители этого класса убеждений предположительно могут быть причинены (caused) соответствующим образом, включая (но не ограничиваясь): данные органов чувств; диспозиционные состояния сознания, являющиеся результатом полученного образования и образа жизни; внутренние, “неосознанные” ощущения; реакция на техническое событие (звук счетчика Гейгера, след в камере Вильсона); парапсихологические способности; потустороннее вмешательство и т.д. И что более важно, никакой из причинных факторов или процессов, которые необходимы для того, чтобы когнитивно спонтанные убеждения были адекватно обоснованы и составляли часть эмпирического (observational) знания, и в которые эти убеждения предположительно включены, может не быть среди доступного кругозору (ken) субъекта, который обладает соответствующими когнитивно спонтанными убеждениями.

б) Класс когнитивно спонтанных убеждений должен быть эпистемически *достоверным* (reliable) по отношению к предмету (subject matter) этих убеждений, что означает: а) когда убеждение появляется (occur), то с большой вероятностью оно истинно; б) с большой вероятностью оно появится в ситуации, в которой оно будет истинным. В каждом случае достоверность определяется относительно заданного множества условий наблюдения, включая указание на соответствующий класс наблюдателей. Обычно достоверность определяется в объективистском или в экстерналистском смысле, и конечно, у предполагаемого наблюдателя нет неproblemатичного доступа к объективной достоверности, а значит, в когерентистской теории достоверность должна (must) определяться изнутри (within) системы убеждений субъекта. Что именно включает это представление, мы увидим ниже, когда будем обсуждать обоснованность этого тезиса. Является ли внутренняя (internal) достоверность вместе с другими аспектами когерентности рационально принимаемым индикатором внешней или объективной достоверности, – это лишь часть более общей проблемы отношения между когерентностью и истинностью.

в) Субъект сам должен иметь когнитивный доступ ко всем необходимым посылкам: (i) Он должен быть способен распознать убеждение соответствующего вида и в целом отличать их от любых других. (ii) Он должен принять, что убеждения соответствующего вида в заданных условиях обладают достоверностью такого-то типа, и это его убеждение должно быть обосновано. (iii) Он должен принять, что в рассматриваемом случае необходимые (requisite) условия достоверности для соответствующего вида убеждений действительно выполнены, и это его убеждение также должно быть обосновано» (с. 122–123). И вплоть до конца главы Л. Бонжур будет занят тем, что будет показывать, как можно удовлетворить посылкам (i)–(iii). От этого будет зависеть то, будет ли в состоянии предполагаемый субъект-наблюдатель обосновать достоверность соответствующих когнитивно спонтанных убеждений¹⁴. Однако шестая глава не закончится полной формули-

¹⁴ С точки зрения Л. Бонжура субъект, для которого посылки (i)–(iii) истинны, будет иметь возможность сформулировать «решающий аргумент в пользу когнитивно спонтанных убеждений»:

(1) Я обладаю когнитивно спонтанным убеждением *P* типа *K*.

ровкой «когерентистской концепции наблюдения», целиком мы увидим ее только в самом конце седьмой главы и уже как часть промежуточной достаточно полной репрезентации авторской когерентистской концепции эмпирического обоснования.

(2) Соответствующие условия наблюдения вида *C* выполнены.

(3) Когнитивно спонтанные убеждения типа *K* при выполненных условиях вида *C* с большой вероятностью являются истинными.

Тогда мое убеждение, что *P*, с большой вероятностью является истинным, а значит, вероятно *P*.

Л. Бонжур должен показать, как посылки (1)–(3) могут быть адекватно обоснованы именно в рамках его когерентистской концепции. По сути, это *ключевой* момент для всей второй части, – и для концепции наблюдения, и для предполагаемой концепции эмпирического обоснования.

Посылка (3). По сути, она фиксирует отношение между возникающими в определенных условиях (куда также входит указание на разрешенный класс наблюдателей) когнитивными спонтанными убеждениями определенного типа и их истинностью: «Либо эти убеждения, когда они возникают в определенных условиях, с большой вероятностью истинны, либо эти убеждения с большой вероятностью возникают в таких-то условиях и оказываются истинными. Здесь мы обсуждаем предположительную (*putative*) эмпирическую закономерность, касающуюся поведения (в широком смысле) субъекта в заданных условиях, в которых происходит наблюдение. Причем не важно то, о насколько широком классе наблюдателей мы говорим. Достаточно того, чтобы наблюдатель в целом удовлетворял условиям нашей когерентистской концепции обоснования. Посылки, подобные этой, являются *контингентными*, т.е. обосновываются эмпирически. Поскольку мы ограничили себя убеждениями, которые когнитивно доступны субъекту, мы не можем *априорно* сказать (как могли бы сказать некоторые фаундалисты), что данный вид (*sort*) когнитивно спонтанных убеждений в таких-то условиях является достоверным, – они с большой вероятностью истинны либо с большой вероятностью возникают в соответствующих условиях будучи истинными, – а другой тип когнитивно спонтанных убеждений, возникающий в других условиях, не является достоверным. Мы можем представить возможные миры, в которых когнитивно спонтанные убеждения относительно физических объектов среднего размера, возникающие в идеальных условиях, тем не менее будут недостоверны, или когнитивно спонтанные убеждения, возникающие в ходе спиритического сеанса, наоборот, будут достоверны. Очевидно, в этих мирах причинная этиология этих убеждений будет отличаться от той, которая, как мы полагаем, сопутствует им в актуальном мире. Однако эта разница *не будет* отрефлексирована ни в субъективных характеристиках этих убеждений, ни в известных условиях наблюдения, ни в чем-либо еще, что когнитивно доступно субъекту. Эта посылка, по сути, отражает эмпирический закон, описывающий поведение субъекта в заданных обстоятельствах, – и нам нет необходимости обсуждать какое-то специальное обоснование такого закона; есть много способов сделать это: индукция через перечисление по известным актуальным случаям, вывод из более общих законов и т.д. Мы будем апеллировать к истинности или ложности убеждений *в том виде, как они оцениваются изнутри системы*. Мы говорим здесь не об источнике убеждений, мы говорим об их обосновании. В контексте, в котором мы учитываем функционирование когнитивной системы достаточной сложности, эмпирическое обоснование подобных законов может подвергаться сомнению. Эти законы нельзя считать просто обобщениями, полученными индуктивно, поскольку установление истинности или ложности убеждений здесь будет зависеть от наблюдений, а значит, и от других законов. И очевидно, такая картина предполагает замкнутость – зависимость наблюдения от наблюдения, но то, насколько это плохо, – это вопрос открытый, мы не можем рационально проследить функционирование всей когнитивной системы» (с. 125). Здесь снова можно вспомнить У. Селларса: «Тенденцию к получению убеждений типа 'Это зеленое' следует понимать как эмпирический закон, которому подчиняется поведение субъекта». В этом смысле, утверждает Л. Бонжур, обоснование посылки (3) ничем не отличается (если, конечно, мы уже приняли интерналистскую когерентистскую концепцию обоснования) от того, как обычно обосновываются любые другие предполагаемые эмпирические законы, касающиеся поведения таких-то субъектов в таких-то условиях.

Посылка (2). Эта посылка говорит о том, что какие-то условия наблюдения являются условиями наблюдения такого-то типа. При этом Л. Бонжур полагает, что и тип *K*, и условия *C* можно определить посредством *перечисления* необходимых составляющих элементов. «Эта посылка, будучи зафиксированной актуально, представляет собой достаточно большой список – конъюнкцию предварительных посылок (*subpremises*), которые будут определять различные детали и сопутствующие предпосылки

Некоторые замечания критиков

Наиболее часто встречающееся замечание по отношению к тому, что изложено в пятой и шестой главах, – это, неожиданно, не претензия к природе и индуктивному характеру обоснования «законов», приписывающих достоверность

собственно условий наблюдения. Нет необходимости отдельно поднимать вопрос об общей модели обоснования для различных утверждений, которые будут играть роль в обосновании этой посылки. Многие из них будут иметь статус сопутствующего знания, уже обоснованного различными способами относительно системы, и большинству из них когерентист предложит ту же самую модель обоснования, что и не-когерентист. Очевидно, некоторые из них сами будут иметь статус наблюдений и сами будут требовать обоснования. Об этом не нужно волноваться. Элементы когерентности при обосновании посылки (2) появятся сами собой, вместе с другими убеждениями наблюдения, которые будут служить посылками обоснования друг друга. А в каких-то случаях (интроспекция) посылка (2) может и не понадобиться. Идея, что внутренних характеристик когнитивно спонтанного убеждения самих по себе (независимо от каких-либо условий наблюдения, в которых убеждение производится) достаточно для того, чтобы они были с большой вероятностью истинными, хороша сама по себе. И естественно, знание соответствующих условий наблюдения будет увеличивать эту вероятность еще больше» (с. 126). Эта посылка фиксирует выполнение условий наблюдения. Это конъюнкция утверждений, фиксирующих содержание и статус элементарных составляющих, на которые разбиваются сами условия. И вполне возможно, что Л. Бонжур прав, отдельно рассматривать все возможные варианты обоснования не имеет смысла, поскольку мы имеем дело либо с сопутствующим уже обоснованным знанием, либо с другими такими же эмпирическими убеждениями. И снова вопрос о зависимости обоснования убеждений наблюдения от других убеждений наблюдения не влияет на результат.

Посылка (1). Обоснование этой посылки затрагивает самый тонкий момент концепции Л. Бонжура – Доксастическое Допущение. Посылка утверждает: «У меня есть когнитивно спонтанное убеждение определенного типа. И она состоит из трех независимых посылок: у меня есть убеждение; это убеждение такого-то типа; это убеждение когнитивно спонтанное, – и мы рассмотрим каждую по отдельности.

(а) Первая посылка представляет собой наиболее очевидное и наименее проблематичное применение Доксастического Допущения. Как отмечалось ранее (параграф 4.5), существование убеждения, которое требует обоснования, предполагается самим фактом того, что мы поднимаем вопрос о его обосновании. Именно в этом смысле само Доксастическое Допущение и не является еще одной посылкой. И само собой, схватывание своей собственной системы убеждений (как необходимый элемент когерентистской концепции обоснования) ничего не говорит о схватывании существования конкретного убеждения, которое обосновывается. Это значит, что скептик может усомниться в существовании убеждения, но такая версия скептицизма не интересна, поскольку не обсуждается истинность или обоснованность убеждений, которые актуально *есть* у субъекта.

(б) Вторая посылка по большей части касается содержания убеждения. Есть мнение, что апелляции только к содержанию убеждения недостаточно для того, чтобы удовлетворить любой наперед заданной классификации убеждений, которая распределяет убеждения по типам. Очевидное дополнение к классификации в терминах содержания (принимая во внимание, что классификация в терминах каузальной этиологии не всегда удовлетворяет требованиям когерентизма; хотя она будет доступна в случаях, когда в качестве сопутствующего выступает эмпирическое знание), – это классификация в терминах интроспективной доступности, в том числе явлений, сопутствующих появлению убеждений данного типа. Здесь достаточно указать на то, что нам понадобятся какие-то факторы (если Доксастического Допущения самого по себе по каким-то причинам недостаточно) для того, чтобы зафиксировать адекватную (с точки зрения обоснования) классификацию убеждений. Однако, по крайней мере частично, необходимое требование, что данное убеждение является убеждением типа *K*, *будет* обосновано интроспективно.

(в) Очень важно понять, что по своей природе возникновение когнитивно спонтанного убеждения не является результатом дискурсивного процесса или вывода (исключая не только явные дискурсивные процессы, но и скрытые). Это представление говорит о том, что убеждение не было порождено определенным процессом, и не говорит ничего о том, как это произошло. Как его обосновать? С одной стороны, можно снова апеллировать к интроспекции. Однако мы знаем, что бывают когнитивно спонтанные убеждения, не требующие интроспективного анализа ментальных процессов. И более того,

данному типу когнитивно спонтанных убеждений. Большинство критиков беспокоит не полнота когерентистской концепции наблюдения, не традиционная механическая, пришедшая из глубин веков «двухтактная» концепция восприятия, а, казалось бы, не самый спорный момент концепции Л. Бонжура – Докастическое Допущение.

если интроспекция сама предмет наблюдения, то интроспективные убеждения сами по себе должны быть когнитивно спонтанными, и они должны быть не экстерналистски обоснованны, а значит, мы не можем свести обоснование когнитивно спонтанных убеждений только к интроспекции. Тут есть два предположения.

(i) Обоснованием когнитивно спонтанных убеждений будет Докастическое Допущение. В частности, мы фиксируем отсутствие в системе убеждений таких, которые могут служить посылкой дискурсивного вывода анализируемого убеждения, а также отсутствие убеждений о том, что анализируемое убеждение было выведено дискурсивно. Негативный характер определения когнитивно спонтанных убеждений важен: бремя доказательств лежит на позитивном утверждении (claim), а значит до тех пор, пока нет оснований считать, что убеждение было выведено дискурсивно, разумно предположить, что оно было спонтанным.

(ii) Существует много убеждений, которые по своему содержанию всегда или почти всегда когнитивно спонтанные. И если это наше представление обосновано, то мы всегда можем обратиться к посылке (б) выше. Определение новых убеждений как когнитивно спонтанных все также требует схватывания убеждения и его содержания. И еще. Как правило, убеждения наблюдения обладают крайне детализированным, специальным содержанием. Я не просто вижу, что передо мной красная книга, я вижу потертую, выцветшую обложку неопределенного цвета и т.д. И именно это специальное и детализированное содержание, – которое очень легко потерять, когда мы вербализуем убеждение, – должно быть дискурсивным для того, чтобы анализируемое убеждение *не могло* быть спонтанным. И именно эта исключительная особенность содержания когнитивно спонтанных убеждений и делает поиск нужных посылок внутри системы убеждений субъекта особенно сложным, – ведь нам надо показать, что убеждение было выведено (это предположение (i)), а также позволяет приписать убеждение определенному типу, который обычно или всегда когнитивно спонтанный (это предположение (ii)). Этих двух предположений вместе с обращением к интроспекции *достаточно* для того, что обосновать спонтанность убеждения. Сложно быть абсолютно уверенным, что это так, но я не вижу веских оснований в пользу обратного» (с. 128–131). По сути Л. Бонжур не предлагает других оснований, кроме Докастического Допущения, для обоснования посылки (1). И это нормально. Он апеллирует к У. Селларсу для того чтобы понять, как в когерентной теории убеждения могут быть обоснованы не просто посредством выводимости содержания одних из других, а посредством вывода их содержания из «не-семантических» характеристик убеждений, которые (характеристики) внутри системы интерпретируются как «истинные». Именно поэтому у Л. Бонжура система убеждений должна содержать «когнитивно спонтанные убеждения», которые именно такие, – их «спонтанность» в определенном контексте и интерпретируется как «истинность». Естественно, эти когнитивно спонтанные убеждения сами должны быть обоснованы в когерентистском смысле, как выводимые из других. И «обман», – содержательная гипотеза Л. Бонжура, – заключается в том, что обоснование этих убеждений зависит от предполагаемой не-инференциальной природы их источника. В этом смысле именно схватываемые Докастическим Допущением данные органов чувств, интроспекция, а также память и являются условными невыводимыми «источниками обоснования» когнитивно спонтанных убеждений.

Естественно, последнее заключение (ввиду его особой важности для понимания природы когнитивно спонтанных убеждений) нельзя оставить без внимания, – по крайней мере, без нескольких слов о том, как Л. Бонжур понимает то, как работают интроспекция и память. Очевидно, интроспекция должна играть большую роль в когерентистской концепции обоснования «перцептуального» (observational) знания, поскольку она как минимум (глядя на аргумент, представленный выше) задействована в определении понятия «когнитивно спонтанные убеждения» и особенно в определении принадлежности данного убеждения данному типу, а также в определении «условий наблюдения», которые необходимы для того, чтобы мы вообще говорили о «когнитивно спонтанных убеждениях». Как можно обосновать интроспективные убеждения внутри когерентистской теории? Следуя Л. Бонжуру, обоснование интроспективного знания в общих чертах будет следовать той же логике, что и обоснование «перцептуального» знания. «В этом случае указание на специфические условия наблюдения можно убрать. Достоверность когнитивно спонтанных интроспективных убеждений, фиксирующих собственные состояния сознания, в отличие от убеждений наблюдения, от них не зависит. Пусть Q –

ское Допущение. Естественно, основной проблемой является интернализм. Интернализм у Л. Бонжура является *слишком сильным* тезисом, но им ни в коем случае нельзя пожертвовать. Единственным источником обоснования является вся

пропозиция, касающаяся моего собственного состояния сознания, например, что я испытываю боль или что я думаю о баскетболе.

(1-I) Я обладаю когнитивно спонтанным убеждением Q типа K .

(3-I) Когнитивно спонтанные убеждения типа K с высокой вероятностью являются истинными.

Тогда мое убеждение, что Q , с большой вероятностью является истинным, а значит, вероятно Q .

Часть содержания первой посылки, тот факт, что я обладаю убеждением, будет обоснована апелляцией к Доксастическому Допущению. Другая часть, принадлежность типу K , опирается на факт, что соответствующий тип K можно определить *исключительно* в терминах предмета соответствующих убеждений. Концепцию “состояние сознания” мы будем считать эквивалентной перечислению отвечающих случаю типов состояний сознания (убеждения, ощущения и т.д.) из соответствующего доступного перечня (list). В этом смысле утверждение, что данное убеждение есть убеждение типа K , будет аналитическим, априорно обоснованным относительно утверждения, что это убеждение существует. Как обосновать утверждение, что данное интроспективное убеждение является когнитивно спонтанным? Все рассуждения об обосновании таких утверждений, которые приводились в предыдущем параграфе, применимы и в случае интроспекции. Мы можем апеллировать к тому, что не существует соответствующего дискурсивного процесса, явного или скрытого, сопутствующего появлению убеждения, – т.е. к тому, что в системе убеждений нет убеждения, которое играет роль посылки или промежуточного шага для вывода данного убеждения; нет убеждения, которое говорит, что данное убеждение не является когнитивно спонтанным; нет хорошего аргумента (burden of proof), сопряженного с требованием, что данное убеждение получено дискурсивно. Наконец, могут быть сопутствующие (background) посылки, например, установленные индуктивно, что убеждения именно такого содержания, как правило или всегда, когнитивно спонтанные.

Посылка (3-I) является синтетической и эквивалентна конъюнкции утверждений, относящихся (pertain) к специфическим разновидностям интроспективных убеждений. И очевидно, она не обоснована априорно, поскольку априорные истины необходимы. Это значит, что она (а также все сопутствующие посылки, которые она включает) будет обоснована изнутри системы убеждений по индукции, по примерам, когда такие убеждения полагаются истинными, и по той объяснительной роли, которую эта индукция будет играть. И хотя детали такого обоснования чрезвычайно (extremely) сложны, оно доступно субъекту. Конечно, есть опасность обратной связи (circularity) в силу особой сквозной (pervasive) роли, которую играет интроспекция в обосновании убеждений наблюдения, но я не вижу, каким образом это сомнение может нам помешать. Да, (3-I) эмпирическая посылка, но мы не можем ее эмпирически опровергнуть. Просто потому, что эмпирическое опровержение *должно* апеллировать к убеждениям наблюдения, но у нас любой тип наблюдения апеллирует к интроспекции. И в этом смысле (3-I) уже *не совсем* эмпирическая посылка, но мы точно знаем, что недостоверность интроспекции разрушит любую возможность эмпирического знания. И это лучший аргумент в ее пользу. Также отметим, что, скорее всего, возможны случаи, когда посылка (3-I) не ограничена когнитивно спонтанными убеждениями. Например, для некоторых типов интроспективных состояний сознания, таких как боль в настоящий момент, достаточно сложно представить, чтобы была ощутима разница (disparity) между содержанием предполагаемого когнитивно спонтанного убеждения и содержанием предполагаемого не когнитивно спонтанного убеждения; а значит, достоверность, приписываемая когнитивно спонтанным убеждениями соответствующего типа, точно так же приписывается *любым* убеждениям относительно соответствующего состояния сознания, независимо от того, являются ли они когнитивно спонтанными или нет. Я полагаю, что достаточно большое количество интроспективных убеждений, которые мы в моменте не готовы считать когнитивно спонтанными и которые в этот момент играют важную роль в обосновании других эмпирических убеждений, будут обоснованы именно таким способом” (с. 132–135).

Что касается памяти, то Л. Бонжур ограничится только таким кратким комментарием: «Мы можем ввести понятие “когнитивно спонтанные убеждения памяти (memory belief)”, т.е. убеждения, которые являются когнитивно спонтанными и которые определяются как “убеждения памяти” по их содержанию и по различным феноменологическим и интроспективным характеристикам. Обоснование “знания памяти” будет зависеть от того факта, что определенные типы когнитивно спонтанных

система убеждений, – обоснованное убеждение должно быть когерентно с системой. И как рефлексивный интерналист, Л. Бонжур настаивает на том, что сам *факт когерентности не является достаточным условием знания*¹⁵. Самый очевидный ход рассуждений говорит о том, что дополнительно должны быть выполнены условия «мета-обоснования» (должны быть обоснованы соответствующие

убеждений памяти в рамках системы убеждений субъекта могут считаться достоверными (reliable) на основании аргументов, *аналогичных* тем, которые обсуждались, когда мы говорили о наблюдении и интроспекции. Естественно, степень достоверности, а значит и степень обоснованности убеждений памяти, будет гораздо ниже, чем для убеждений наблюдения и интроспекции, – в большинстве случаев гораздо ниже, чем необходимо для того, чтобы иметь статус знания. И это значит, что если нам необходимо знание, опирающееся на память, то мы обязаны в этом случае апеллировать к когерентности. Другой важный момент заключается в том, что обоснованные убеждения памяти представляют собой особый вид *пополнения* (input) содержания системы убеждений. Это убеждения, принятие которых обосновано (mandated) изнутри системы и чье когнитивное содержание не выводится инференциально из других убеждений системы. И я не вижу оснований не рассматривать эти убеждения – те, которые *помогают* системе убеждений удовлетворять Эмпирическому Требованию. Также отметим, что с этой точки зрения обоснование убеждений памяти не зависит от того факта, что убеждения с таким же или аналогичным содержанием (а) ранее возникали у субъекта и (б) были тогда обоснованы другим способом, т.е. посредством убеждений наблюдения или интроспекции. Сейчас мы можем позволить себе говорить об обоснованных убеждениях памяти, *даже* если ранее это было не так, в ситуациях, когда ранее субъект не мог полностью обосновать соответствующее убеждение, или, возможно, не мог даже концептуализировать предмет соответствующего убеждения» (с. 155).

Завершаем этот большой комментарий. Модель когерентистского обоснования Л. Бонжура буквально опирается на предположение, что субъект должен обладать способностью «схватить» (grasp) содержание своей собственной системы убеждений. Само по себе Доксастическое Допущение не играет какой-либо особой непосредственной роли в когнитивной системе, вместо этого оно фиксирует важный аспект когнитивной *практики*. Конечно, мое схватывание собственной системы убеждений может вызывать вопросы, но чтобы когерентистское обоснование (приведение аргументов в пользу истинности убеждения) вообще могло начаться, нам нужно предположить, что мое собственное схватывание моей собственной системы убеждений по крайней мере приближенно истинно. Каждый раз, говоря о том, что обоснование апеллирует к Доксастическому Допущению, имеется в виду, что аргумент, который зависит от того, что субъект схватывает свою систему убеждений, является осмысленным, если это «допущение» верно. Предположительно, это «схватывание» является следствием психологической интроспективной деятельности, но не может быть обосновано апелляцией к интроспекции, так как, согласно Л. Бонжуру, в этом случае мы допустим «фаундалистский мотив». Интроспекция является необходимым условием принятия Доксастического Допущения, просто поскольку нет другой альтернативы для объяснения того, каким образом субъект схватывает свою систему убеждений, не больше. Именно в этом смысле мы говорим, что «часть *содержания* системы убеждения может быть восстановлена посредством обращения к интроспекции»: «Если вопрос в том, действительно ли я обладаю данным убеждением, – которым я думаю, что обладаю, – то в результате моей рефлексии я могу либо получить, либо не получить соответствующее когнитивно спонтанное убеждение. И конечно, обоснование этого следующего (further) когнитивно спонтанного убеждения либо обоснование негативного наблюдения того, что у меня нет такого убеждения, будет зависеть от моего схватывания собственной системы убеждений» (с. 137). И естественно, чрезвычайно важным для Л. Бонжура в данном случае является довольно нетривиальный тезис о том, что это «схватывание», т.е. апелляция к Доксастическому Допущению, открывает доступ именно к *содержанию* убеждений: «Исходная роль данных органов чувств – неконцептуализированных “ощущений” заключается не в том, чтобы обосновывать убеждение, а в том, чтобы вносить вклад, *составлять часть содержания* соответствующего убеждения. И очень часто этот контекст, связанный именно с содержанием убеждения, теряется, просто потому что лингвистическому выражению убеждения уделяется гораздо больше внимания» (с. 242), которое доступно именно интроспективно.

¹⁵ Это замечание способно снова напомнить студентам все ужасы, связанные с анализом «проблемы Гетье». Очевидно, когерентность системы – это достаточное условие обоснования, но в каком смысле оно не является достаточным условием знания?

мета-убеждения), которые обосновывают этот факт когерентности, что, в свою очередь, означает, что субъект должен схватывать содержание своей системы убеждений. Субъект должен схватить, что система когерентна. И Л. Бонжур настаивает на том, что эти мета-убеждения не могут быть обоснованы независимо, а только по отношению к их когерентности с системой убеждений – с системой, содержание которой и является предметом анализа. Это пример «кругового» рассуждения. И именно для того, чтобы это рассуждение не казалось слишком «порочным», Л. Бонжур вводит Доксастическое Допущение как «допущение, что я действительно обладаю в первом приближении (approximately) всей системой убеждений, которой я полагаю (believe), что обладаю» (с. 103). И естественно, основания этого «допущения» вызывают вопросы. Сам Л. Бонжур полагает, что оно не нуждается в особом обосновании, поскольку только так он избежит вопроса «насколько аккуратной является моя собственная репрезентация моей собственной системы убеждений» (с. 106). Это проблема, поскольку именно аналогичный момент был одним из оснований отказаться от фаундализма, – «то, что обеспечивает обоснование, должно быть обосновано». И тут есть два момента. (а) Доксастическое Допущение обосновывает то единственное, что связывает нашу систему убеждений и реальность – когнитивно спонтанные убеждения: «Мы фиксируем отсутствие в системе убеждений таких, которые могут служить посылкой дискурсивного вывода анализируемого убеждения, а также отсутствие убеждений о том, что анализируемое убеждение было выведено дискурсивно» (с. 130). Однако, как мы увидим в следующей части обзора, посвященной седьмой и восьмой главам, концепция Л. Бонжура весьма «неразборчива» в отношении понятия «пополнение эмпирического содержания системы вследствие влияния внешней реальности» для того, чтобы у нас было достаточно однозначное понимание того, в каком смысле наша система убеждения является системой эмпирического знания относительно объективной реальности¹⁶. И (б) Доксастическое

¹⁶ Как ни парадоксально, но ничего из того, о чем говорилось в пятой и шестой главах, включая понятие «когнитивно спонтанное убеждение» и в целом «когерентистскую концепцию наблюдения», качественно не улучшило исходную «простую» интуицию Л. Бонжура, что нам необходим прямой доступ к объективной реальности посредством органов чувств для того, чтобы обосновать убеждения относительно нее. И тут, судя по всему, Доксастическое Допущение следовало бы назвать Онтологическим Доксастическим Допущением. Это еще одна эффективная часть схемы, такая же, как шишковидная железа у Р. Декарта или душа у Платона. Как реалист Л. Бонжур должен показать, что интерналистская когерентистская концепция обоснования является «приводящей к истинности». Он постулирует необходимое условие: «Система должна содержать законы, приписывающие высокую степень достоверности для достаточно большого количества типов когнитивно спонтанных убеждений» (с. 141). Спонтанные убеждения играют ту же роль, что и традиционные (в каноническом фаундалистском смысле эмпиризма Ф. Бэкона) эмпирические данные с той только разницей, что они «не являются выводимыми по происхождению» (чтобы не считаться в собственном смысле базовыми убеждениями), но «являются выводимыми по обоснованию» (чтобы быть обоснованными). И наилучшим объяснением их особой роли будет убеждение, что они отражают реальность. Они не обоснованы каким-то особым функциональным отношением, которое связывает их и предполагаемое аффицирование чувственности. Они обоснованы исключительно когерентной связью с другими убеждениями системы. Мы индуктивно приходим к выводу, что «они появляются в строго определенных ситуациях уже с большой вероятностью (по согласованию) истинными, либо с большой вероятностью появятся в именно тех ситуациях, в которых они (по согласованию) истинные». И предварительным условием всех этих рассуждений будет Онтологическое Доксастическое Допущение. И в этом смысле это действительно максимум, который Л. Бонжур может предложить как эмпирик, уверенный в том, что ни-

Допущение может быть основанием для еще одной разновидности эпистемического регресса. Как отмечает А. Голдман: «Бонжуру недостаточно того, чтобы истинные убеждения были бы когерентны друг другу. Отношение, от которого зависит обоснованность убеждений, должно не только обозначать (indicate) вероятную истинность. Субъект должен быть в курсе (aware) и отношения, и того факта, что оно обозначает истинность. Это значит, что для того чтобы данное убеждение было обоснованным, у субъекта должно быть еще одно убеждение, что оно когерентно с системой. И кажется, что если мы хотим оставаться последовательными интерналистами, то этого недостаточно. Субъект может думать, что его убеждение о том, что отношение когерентности между пробным убеждением и системой выполнено, является следствием ложного оптимизма (wishful thinking). Те же самые основания, которые требуют быть в курсе когерентности, ведут к заключению, что субъект должен принимать (believe) с обоснованием, что обосновывающее отношение выполнено (hold) для любого обоснованного убеждения. Это регресс. И Бонжур пытается его избежать. Он предполагает, что субъект имплицитно схватывает (grasp) систему. Но это допущение не может остановить регресс. Интернализм требует быть полностью ответственным эпистемическим субъектом, – простого факта, что субъект схватывает свою систему убеждений, недостаточно, чтобы быть последовательным интерналистом. Он также должен принять с обоснованием, что та система, с которой когерентно данное убеждение, сама по себе является когерентной. И вот это субъект уже не может просто предположить, так как это будет равнозначно допущению, что убеждение обосновано, – а именно это субъект и пытается показать. Требование схватить когерентность своей системы убеждений является слишком сильным. Поэтому Доксастическое Допущение, скорее всего, ложно, – мы говорим о нем просто потому, что не знаем, насколько имплицитно это имплицитное схватывание системы. Более важно то, что даже если субъект и схватывает содержание своей системы убеждений, то сомнительно, что он схватывает абсолютно все когерентные отношения, а значит, он не может схватить все убеждения-знания» [Goldman, 1989, p. 128]. Стандартный ответ на регресс – фаундализм, но в данном случае это невозможно. В защиту концепции Л. Бонжура можно только сказать, что он никогда не говорил о необходимости «полностью» схватить систему. Для него важно сохранять возможность «перестройки системы после того, как в свете новых данных когерентность-стабильность системы будет нарушена». В конце концов, эмпирическое, оно же научное, знание по определению является контингентным. И это значит, что Доксастическое Допущение является лишь частью достаточных условий знания.

Список литературы

Головкин Н. В. Проблема регресса и критика фаундализма. Рец. на кн.: Bonjour L. *The Structure of Empirical Knowledge*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Part I) // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 4. С. 109–153.

какого честного обоснования «объективности» или «истинности» когнитивно спонтанных убеждений в интернализме нет. Л. Бонжур может лишь подчеркнуть, что все соответствующие убеждения должны быть частью системы убеждений субъекта и предварительно должны быть им схвачены.

- Головко Н. В.** Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. II: Недоопределенность и (мета)индукция // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2007а. Т. 5. № 2. С. 9–16.
- Головко Н. В.** Теоретические и операциональные ограничения в эпистемологии науки: Преодоление логицизма // Философия науки. 2007б. № 1. С. 33–69.
- Головко Н. В.** Проблема индивидуации теорий и научный реализм // Философия науки. 2005. № 1. С. 63–105.
- Alston W.** Varieties of Privileged Access // *American Philosophical Quarterly*. 1971. Vol. 8. No. 3. P. 223–241.
- Bender J.** (Ed.) *The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies*. Kluwer Academic Publishers, 1989.
- Boyd R.** On the Current Status of the Issue of Scientific Realism // *Erkenntnis*. 1983. Vol. 19. No. 1/3. P. 45–90.
- Chisholm R.** *Theory of Knowledge* [3rd Ed.]. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1989.
- Fogelin R.** *Pyrrhonic Reflections on Knowledge and Justification*. Oxford University Press, 1994.
- Goldman A.** Bonjour's Coherentism // *The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies* / J. Bender (ed.). Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 125–133.
- Goldman A.** Internalism Exposed // *Journal of Philosophy*. 1999. Vol. 96. P. 271–293.
- Lewis C. I.** *An Analysis of Knowledge and Valuation*. La Sale, Ill.: Open Court, 1946.
- Sellars W.** *Science, Perception and Reality*. L.: Routledge and Kegan Paul, 1963.
- Shoemaker S.** *Self Knowledge and Self-Identity*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1963.
- Sosa E.** *Knowledge in Perspective*. Cambridge University Press, 1991.
- Steup M.** *An Introduction to Contemporary Epistemology*. Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall, 1996.
- Swain M.** Bonjour's Coherence Theory of Justification // *The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies* / J. Bender (ed.). Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 115–124.
- Williams M.** *Unnatural Doubts: Epistemological Realism and the Basis of Skepticism*. Cambridge, MA: Blackwell, 1991.

References

- Alston W.** Varieties of Privileged Access // *American Philosophical Quarterly*. 1971. Vol. 8. No. 3. P. 223–241.
- Bender J.** (Ed.) *The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence Bonjour with Replies*. Kluwer Academic Publishers, 1989.
- Boyd R.** On the Current Status of the Issue of Scientific Realism // *Erkenntnis*. 1983. Vol. 19. No. 1/3. P. 45–90.
- Chisholm R.** *Theory of Knowledge* [3rd Ed.] Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1989.
- Fogelin R.** *Pyrrhonic Reflections on Knowledge and Justification*. Oxford University Press, 1994.

- Goldman A.** BonJour's Coherentism // The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence BonJour with Replies / J. Bender (ed.). Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 125–133.
- Goldman A.** Internalism Exposed // Journal of Philosophy. 1999. Vol. 96. P. 271–293.
- Golovko N. V.** Regress Problem and the Critique of Empirical Foundationalism. Book Review: BonJour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985. (Part I) // Siberian Journal of Philosophy. 2023. Vol. 21. No. 4. P. 109–153 (in Russian)
- Golovko N. V.** Naturalization of Epistemology and Basic Arguments Against Scientific Realism. II. Underdetermination and (Meta-)Induction // Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy. 2007. T. 5. No. 2. P. 9–16. (in Russian)
- Golovko N. V.** Theoretical and Operational Constraints in Epistemology of Science: I Overcoming of Logicism // Philosophy of Science [Filosofiya Nauki]. 2007. No. 1. P. 33–69. (in Russian)
- Golovko N. V.** Individuation of Theories and Scientific Realism // Philosophy of Science [Filosofiya Nauki]. 2005. No. 1. P. 63–105. (in Russian)
- Lewis C. I.** An Analysis of Knowledge and Valuation. La Sale, Ill.: Open Court, 1946.
- Sellars W.** Science, Perception and Reality. L.: Routledge and Kegan Paul, 1963.
- Shoemaker S.** Self Knowledge and Self-Identity. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1963.
- Sosa E.** Knowledge in Perspective. Cambridge University Press, 1991.
- Steup M.** An Introduction to Contemporary Epistemology. Upper Saddle River, NJ: Prentice-Hall, 1996.
- Swain M.** BonJour's Coherence Theory of Justification // The Current State of the Coherence Theory. Critical Essays on the Epistemic Theories of Keith Lehrer and Laurence BonJour with Replies / J. Bender (ed.). Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 115–124.
- Williams M.** Unnatural Doubts: Epistemological Realism and the Basis of Skepticism. Cambridge, MA: Blackwell, 1991.

Информация об авторе

Головко Никита Владимирович, доктор философских наук, доцент
Заведующий кафедрой онтологии, теории познания и методологии науки,
Новосибирский государственный университет;
Ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН

Information about the Author

Nikita Golovko, Doctor of Sciences (Philosophy)
Head of the Chair of Ontology, Epistemology and Methodology of Science,
Novosibirsk State University;
Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS

*Статья поступила в редколлегию 25.01.2024;
одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 20.02.2024*

*The article was submitted 25.01.2024;
approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 20.02.2024*